

Владимир Шарпов

ШКОТАН — ПОСЛЕДНИЙ
ФОРПОСТ ГОСУДАРСТВА

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

С ИLLUСТРАЦИЯМИ
ЛЕОНАРДА КРЫНОВА

18+

Володимир Шарапов

Шикотан – последний форпост государства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42628368

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98833-0

Аннотация

Летом 1993 года Анна Журавлева вместе с друзьями в составе студенческого стройотряда попадает на Шикотан. Местный паренек по прозвищу Луха становится их проводником. Во время захватывающего путешествия вокруг острова Анна едва не погибает в подводном туннеле и оказывается в бывших японских катакомбах, где хранятся большие запасы оружия и боеприпасов. Там она узнает, что Луха, чей дед героически погиб во время Курильской десантной операции, вместе со своими товарищами намерен использовать этот арсенал для защиты родного острова, чтобы помешать планам продажных политиков и военных передать его Японии. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Стройотряд	8
Араданский хребет	43
Сборы в автономный поход	57
Танки	63
Эрис	70
Встреча с Тайной	76
Изя Рабинович	90
Прыжок в бездну	112
Японские катакомбы	152
На краю Земли	167

Володимир Шарапов Шикотан – последний форпост государства

Предисловие

В конце декабря 2018 года мне позвонила старинная приятельница Аня, физик-ядерщик из моего родного новосибирского Академгородка. По трагической интонации ее приглушенного голоса я сразу почувствовал, что случилась какая-то большая беда.

– Володя, – сказала она после короткого приветствия, – наш Луха погиб...

Я почувствовал, что Аня едва сдерживается, чтобы не рыдать.

Луху я никогда не видел, но был немало наслышан о нем из ее рассказов. Они подружились в 1993 году на Шикотане, куда Аня поехала в составе студенческого стройотряда работать на рыбоконсервном заводе в Малокурильске.

Через пару минут я уже знал, как произошла трагедия. В пять часов утра на трассе Владивосток – Находка на одном из перевалов колесо уазика Лухи угодило в яму, и машину выбросило с обледенелой дороги вниз на обочину; падая, она

перевернулась и затем загорелась. У Лухи не было ни единого шанса...

Я отлично помню эту сложную трассу, которую, если не ошибаюсь, после войны строили пленные японцы.

В 1990 году я проходил срочную службу неподалеку от «Техаса». Так в советское время в народе называли небольшой закрытый городок Тихоокеанск, где находилась база ВМФ. Барак нашей роты стоял на вершине сопки. Оттуда хорошо было видно бухту. Время от времени над нею по ночам кружилась пара вертолетов с яркими прожекторами, обращенными к морю. В их ослепительном свете внизу вырисовывались хищные очертания атомной подводной лодки и авианесущего крейсера, название которого за давностью лет я уже позабыл.

По своим делам мы регулярно мотались в служебном фургоне по той злосчастной трассе и как минимум пару раз в неделю наблюдали перевернутые большегрузы или разбитые в хлам японские иномарки. Особенно опасной дорога становилась зимой. Во время буранов и гололеда ее всегда перекрывали сразу в нескольких местах, потому что в непогоду по скользкому асфальту забраться на перевал без цепей на колесах было практически невозможно, а спуск вниз на фуре превращался в настоящее самоубийство.

Аня попросила опубликовать несколько тетрадей ее студенческих дневников, в которых она описывала свои приключения с Лухой на острове Шикотан в конце лета 1993

года. От меня главным образом требовалось изменить имена большинства живых свидетелей той давнишней истории и заретушировать некоторые географические подробности месторасположений подземных сооружений, оставленных японцами. Там до сих пор в целостности и сохранности хранятся огромные запасы оружия, боеприпасов, ГСМ, бронетехники и даже один самолет-камикадзе, стоящий в полной боевой готовности на вырубленной в сопке взлетной полосе. Необходимо, впрочем, сказать, что вследствие катастрофического землетрясения 1994 года все входы в катакомбы были завалены и попасть в них теперь практически невозможно. Так, под обломками обрушившейся скалы оказался погребен туннель, предназначенный для захода подводной лодки в подземный док. Как вы сами скоро поймете, данное сооружение сыграло ключевую роль во всей этой истории.

Аня сказала мне – и я с ней полностью солидарен, – что было бы несправедливо не рассказать людям о человеке, для которого мало кому известный крошечный клочок суши на самом краю нашей огромной Державы стал последним форпостом. Вместе со своими друзьями Луха решил сражаться за Шикотан до последнего вздоха и до последнего патрона, в то время как московские временщики и предатели тайно готовились отдать остров Японии, так же, как незадолго до этого колоссальный по размеру континентальный шельф Берингова моря отдали США, а русский город-герой Севастополь – Украине.

– Будь другом, сделай это для меня, – попросила моя приятельница. – Сама я не могу без слез думать о Лухе, и если снова погружусь в воспоминания о тех днях, то не уверена, что захочу дальше жить, когда его уже нет на свете... Кроме того, мои записи довольно сумбурные и часто чересчур эмоциональные, поэтому я не хочу, чтобы они были опубликованы без литературной обработки.

Разумеется, я выполнил ее просьбу и теперь надеюсь, что память об этом, простом и надежном, как АК-47, русском парне уже никогда не канет в Лету.

(г. Новосибирск, Академгородок, январь, 2019 г.)

Стройотряд

Как-то в школе на уроке русского языка нам дали задание написать сочинение на тему, кем бы мы хотели стать, когда повзрослеем. Потом это все вслух зачитывалось. Мальчишки – кто бы сомневался! – хотели стать военными летчиками, милиционерами, пожарными, моряками, космонавтами и геологами-первопроходцами. Девочки представляли себя в роли известных артисток, балерин, врачей, художников, музыкантов и парикмахеров. Признаться, мечты парней мне нравились куда больше. Правда, я безумно люблю танцевать и была бы не прочь превратиться в знаменитую оперную певицу. Но с моими-то кривыми ногами и большим носом...

«Балерины рано ложатся!» – в моей голове часто звучит скороговорка, которую придумала однажды моя мама, видимо, желая внушить мне, своей пятилетней дочери, что если я хочу стать балериной, то надо обязательно ложиться вовремя Т. е. до того, как по телевизору начнется какой-нибудь из ее любимых, бесконечных и таких же нудных, как прямая Евклида, сериалов вроде «Санта-Барбары» или «Богатые тоже плачут». Если очень быстро и долго повторять эту скороговорку, то у тебя обязательно в итоге получится: «Барелины лано рожатся». Дико смешно – умереть не встать!

Когда училка зачитывала мое сочинение, почти все откоро-

венно зевали.

– Журавлева, ну ты отмочила! – восхищенно прошептал мне в ухо сосед по парте Димка Ершов.

И он был единственный из всего класса, кто меня тогда понял. Отец Димки нередко брал его с собой в поселок Краснообск в гости к своему близкому другу, изобретателю первого в мире гравилета, Виктору Гребенникову. Именно его научные труды я собиралась использовать при создании своего собственного космического аппарата. Димка мне тогда все уши прожужжал про летающую антигравитационную платформу дяди Вити. Вместе со своим отцом парень собирался воспроизвести ее у себя на даче следующим летом, втайне от мамы и еще какого-то непонятного, но, по-видимому, ужасно злого и всемогущего КГБ.

В школьном сочинении я написала о том, что обязательно стану большим ученым и создам космический двигатель, основанный на еще неизвестных науке физических принципах. Что я докажу возможность сверхсветовых перемещений с учетом новых знаний об истинных пространствах, геометрию которых мне удастся открыть. Когда это произойдет, всем сразу станет очевидно, что геометрия Лобачевского – лишь частный случай Большой Общей Теории n -мерного множества квазипараллельных пространств Журавлевой (КПЖ).

Ну и конечно, в своей письменной работе я упомянула труды Виктора Гребенникова. Изучая однажды под микро-

скопом необычайно сложную ячеистую структуру пластинок хитинового покрова жуков некого вида, он собирался положить одну из них на другую, точно такую же. Неожиданно пластинка вырвалась из его пинцета и зависла в воздухе... Так был открыт неизвестный доселе эффект природной антигравитации (ЭПА), используемый этими жуками. Я писала, что собираюсь применить открытый и описанный Гребенниковым эффект полостных структур (ЭПС) в своем корабле для защиты космонавтов от огромных перегрузок, которые будут возникать при разгоне до близсветовых скоростей. Я тогда не стала уточнять, что хочу построить космический корабль только для того, чтобы втайне ото всех в какое-нибудь прекрасное утро совершенно одной, ну или, может быть, с Димкой Ершовым, навсегда улететь с Земли. Мы бы отправились на поиски далекой Звезды, вокруг которой кружится Прекрасная Планета, где совсем нет людей. Именно поэтому там испокон веков царят мир и спокойствие, а в лексиконе местных обитателей отсутствуют такие понятия, как война, агрессия, зависть и жестокость.

Став взрослее и поступив на физфак НГУ, я, конечно, оставила в прошлом свои наивные детские фантазии о постройке космического корабля. Хуже того, я окончательно смирилась с тем, что Прекрасная Планета так и останется для меня недостижимой. Теперь мне просто хотелось поселиться и найти работу где-нибудь на краю земли на забытой богом и, главное, людьми метеорологической станции, где на

тысячи километров вокруг простираются вечные полярные льды. И чтобы нигде ни единой живой души! Или еще лучше – стать смотрителем маяка. Маяк этот должен был находиться на необитаемом острове посреди океана. И если бы на горизонте вдруг появился заблудший корабль – особенно, если это корабль какого-то дрянного сказочного принца под своими вечно-алыми парусами, – я бы послала ему короткий световой сигнал всего из трех предложений: «Эй, там, на борту! Держитесь от моего острова подальше, если не хотите переломать все кости. Здесь повсюду лишь подводные рифы и скалы и нет ни одного прохода для вашей грязной посуды». Что самое удивительное, моя мечта пожить на острове, где есть с маяк, однажды исполнилась.

После окончания второго курса я собиралась поехать в составе студенческого стройотряда на Камчатку, заниматься там обработкой рыбы. Скорее всего, именно так бы все и произошло, если бы не моя одноклассница и самая близкая подруга Вика Рубинова. У нее есть парень Илья, учившийся тогда на четвертом курсе в НЭТИ. Он предложил Вике место в его стройотряде, который в конце лета должен был отправиться на Курильские острова. Вика рассказала мне про эту идею и попросила совета, куда ей все-таки лучше поехать: на Камчатку или на Курилы. Конечно, она могла бы и не интересоваться моим мнением. Но Вика у нас такая. Она любит советоваться, особенно с парнями, хотя в итоге всегда все делает по-своему. Я иногда даже думаю, что это со-

знательный психологический ход с ее стороны. Парням ведь страшно нравится, когда девушки обращаются к ним с какой-нибудь не слишком замысловатой просьбой, тем более, такие красивые, как моя Вика. С Викторией вообще все очень сложно и одновременно – просто. Если бы я хорошо разбиралась в психологии, то обязательно бы написала про нее целую книжку – все бы зачитывались. Уж я-то знаю!

– На Камчатку наши каждый год ездят, и она от нас никуда не денется, – начала я ее убеждать. – А Курилы вообще, говорят, скоро японцам отдадут; они там понаставят свои военные базы и никого к себе не будут пускать. Однозначно нужно ехать на Курилы, пока есть такая возможность.

– Я и сама так думаю, но родители меня активно отговаривают. Они сильно переживают, что там сейчас неспокойно; в смысле сейсмическая активность большая, страшное захламление, куча всякого непонятного народу. Ну и все такое.

– Вика, – торжественно говорю я, – тебе в феврале стукнуло девятнадцать. Еще немного, и наша молодость окончательно пройдет: на следующий год тебе и мне будет по целых двадцать лет! Твой Илья утверждает, что в Средние века в Европе женщины в тридцать считались уже глубокими старухами. Поэтому, если что, умрешь молодой и красивой.

– Мммдяя, увидеть Курилы – и умереть... Как это должно быть романтично! – томным голосом произнесла Вика и вдруг предложила:

– Анют, а ты не хочешь со мной? Раз мне все одно поми-

рать, так уж лучше за компанию вместе со своей самой близкой подругой.

– Ой, Вика, я была бы просто счастлива! – запрыгала я от радости. – Но разве это возможно?

– Не парься. Илья все уладит, – легкомысленно улыбнулась Вика.

И ее Илья действительно все уладил. В конце июля мы всей нашей дружной развеселой студенческой толпой уже мчались на поезде Новосибирск – Владивосток. Из Владика был короткий перелет до Южно-Сахалинска, затем – переезд в порт города Корсаков, откуда ночью мы на маленьком парходике отчалили в сторону островов Малой Курильской гряды.

Почти все время нашего небольшого плавания море сильно штормило. Бедный кораблик нещадно болтало, поэтому лишь пару раз я отважилась выбраться на палубу. Долго находиться там было совершенно невозможно: холодные порывы ветра и ледяные брызги сгоняли всех зеваяк обратно в трюм. Я воспринимала непогоду как личную обиду. Это было мое первое в жизни плавание на настоящем корабле по великому Тихому океану. Так хотелось медитировать, глядя на уходящие за горизонт волны, вдыхать полной грудью терпкий морской воздух. А вместо этого пришлось торчать в каюте и, лежа на койке, дремать под непрерывную болтанку – вверх и вниз, вверх и вниз.

Погода сменилась лишь тогда, когда под крики чаек и со-

проводимые стайкой дружелюбных дельфинов мы вошли в Малокурильскую бухту. Все пассажиры, утомленные качкой, оживленно высыпали на палубу. Нам открылся восхитительный вид на остров. На небе не было ни единой тучи. Водная гладь большой бухты была спокойна и сверкала в лучах солнца, стоявшего в зените. На левой стороне бухты располагалась база пограничников, где у причала я насчитала пару военных катеров и одно белоснежное японское кавасаки, конфискованное у японских браконьеров. Как я впоследствии узнала, эти рыболовные шхуны пограничники потом за вознаграждение возвращали бывшим владельцам.

Мы причалили прямо к пристани: бухта здесь очень глубокая, на всех остальных островах корабли вынуждены бросать якоря на большом удалении от берега. На земле нас уже встречало местное начальство, видимо, радостно потирая руки, подобно американским работорговцам, встречающим переполненные суда с африканскими рабами. Что ж, по своей сути почти так оно и было.

Нас расселили в одноэтажных бараках, располагавшихся неподалеку от рыбоконсервного завода на небольшой сопке. Мальчиков и девочек разместили отдельно по двум баракам. Там был еще и третий, но его под завязку набили наемными рабочими. Они приехали сюда с самых разных уголков Советского Союза, который к тому времени уже безнадежно разошелся по всем своим пятнадцати швам. Мы с Викой разместились в одной комнате. Каким-то чудом к нам боль-

ше никого не подселили, хотя во всех остальных комнатах было по четыре человека. Но чему тут удивляться – Вика вообще по жизни необыкновенно везучая. Не то что я.

Сейчас, всего лишь полгода спустя после тех незабываемых приключений, что мне пришлось пережить на этом крошечном и прекрасном острове, я с трудом вспоминаю скучные подробности, относящиеся к работе на консервном заводе. Хотя большая часть моего пребывания на Шикотане прошла именно в этом убогом месте, где нам приходилось работать и ночью, и днем в две смены, иногда по 10 часов в сутки, с редкими выходными.

Нас с Викой определили в бригаду разделки. Всю рабочую смену мы с другими девчонками стояли по обеим сторонам длинного железного стола и непрерывно, как бездушные автоматы, потрошили дохлую сайру, а затем кидали тушки в желоб, находившийся посреди стола. Дальше тушки своим ходом под струей воды стекали вниз в другой желоб, который вел в варочный цех. За нашим столом желоб делал резкий поворот на девяносто градусов. На нем все время происходили заторы. Быстро скапливающаяся гора рыбы переваливала через края желоба и падала на каменный пол. Поэтому у поворота поставили Изю Рабиновича, друга и одногруппника Ильи. Он держал деревянное весло и проталкивал им непослушную сайру, чтобы она там не скапливалась. Все мы быстро насквозь пропитались противным рыбным запахом, который невозможно было смыть с себя в душе после

смены. Впрочем, уже через неделю мы настолько к нему привыкли, что вовсе перестали замечать; даже Вика, ненавидящая сырую рыбу, уже брезгливо не морщилась. Человек вообще быстро ко всему привыкает.

Островитяне мужского пола всех возрастов, похоже, только и ждали, когда привезут очередную партию студентов. На следующий же день в наши бараки началось настоящее паломничество. В целом, местное население, с которым мне пришлось столкнуться, оказалось вполне сносным и не слишком навязчивым. Правда, как, впрочем, и везде, порой попадались и полные отморозки. Илья однажды рассказал нам с Викторией о позднем визите в его барак какого-то огромного роста сержанта-контрактника с местной погранзаставы, настолько пьяного, что он едва держался на ногах. Контрактник почему-то решил, что Илья тут самый главный сутенер и долго уговаривал дать ему на ночь «телку» за два ящика красной икры и мешок красной рыбы. После целого часа безрезультатных переговоров незваный гость наконец отстал и поперся в поселок. Илья решил его проводить, чтобы убедиться, что тот вдруг не вернется и не вломится в наш женский барак. На одной из улочек Малокурильска контрактник подошел к окну жилого барака и постучался в окошко:

– Нина, открой!

Из темноты раздался сонный женский голос, призывающий его идти куда подальше. Контрактник, однако, зашел в коридор и остановился перед дверью, где жила эта Ни-

на. Даже не пытаясь постучать, он просто надавил на дверь, и та вместе с вырванными петлями плашмя грохнулась на пол. Илья, который стоял в коридоре, увидел, как в темноте с койки вскочила молодая женщина в одной белой сорочке. Контрактник схватил ее обеими руками за талию и повалил на пол. Опасаясь грубо вмешиваться в чужую личную жизнь, Илья постучал в дверь, расположенную напротив. Оттуда вышел мужчина средних лет, с бородкой и в маленьких круглых очках. Илья узнал в нем инженера с нашего завода.

– Вы не знаете этого товарища? – показал Илья на контрактника, который вяло боролся с несчастной дамой своего сердца. – Как-то он не очень вежливо постучался...

Инженер посмотрел на них через выломанный дверной проем и лишь досадливо махнул рукой:

– Все нормально, парень. Не в первый раз. Иди спать. Сами разберутся.

Во всей этой истории Илью больше всего поразил факт падения двери от одного несильного толчка. Он разузнал потом, как такое могло произойти. Оказалось, что местный сырой климат очень благоприятен для мелких древесных жучков, которые за многие годы превратили деревянные постройки острова в настоящую труху. Бывали случаи, когда в жилых домах рушились перекрытия вторых этажей, и люди буквально падали на головы соседей, живущих под ними. Наши бараки были одноэтажными – хотя бы это немного утешало. После случившегося я всерьез опасалась, что на

меня обрушится потолок вместе с крышей. Да и Вика переживала не меньше.

– Давай, Анют, – сказала она мне несколько дней спустя, – мы с тобой завещания на всякий случай напишем. Мало ли что. Если потолок вдруг на нас рухнет, то будет уже поздно.

– Давай, – говорю. – Когда будем писать?

– Сегодня вечером после смены. Заодно позовем наших мальчиков для моральной поддержки, если ты не против.

– Отлично! – сказала я. – Правда, у меня нет ничего такого ценного, и я совершенно не знаю, что и кому оставить после своей трагической гибели.

– У меня тоже нет ничего, – сказала Вика. – Но это и не главное. Напишем, что мы всех любим и не хотим никого винить в нашей смерти.

Вика молодец! Всегда найдет правильный выход в сложной ситуации. Когда тебя терзает какой-то страх, нет ничего лучше, чем обратить все в шутку, чтобы от него избавиться. Мне бы ее находчивость.

Сказано – сделано. В тот же вечер у нас в комнате собралась вся наша дружеская тусовка. Кроме меня и Вики, были еще Илья, Изя да один местный паренек по кличке Луха, с которым они недавно подружились. Луха учился в Южно-Сахалинске, а летние каникулы проводил дома. На мой взгляд, он был нереально красив: выше среднего роста, крепко сложенный, с мужественным лицом, голубоглазый и со светлыми волосами. Мне бросились в глаза его большие ру-

ки, поэтому я удивилась, когда он начал играть на гитаре, которую принес с собой, – казалось, что такими крупными пальцами невозможно зажимать струны на ладах.

Стол мы с Викой предусмотрительно накрыли заранее. Хотя «накрыли» – это звучит слишком громко. Шиковать особо не приходилось. Хлеб, консервы из сайры и морской капусты, черный чай – вот и все деликатесы.

Когда мы расселись, Луха неожиданно достал откуда-то из-за пазухи бутылку водки и водрузил ее посреди стола. Меня это покорило. Я физически не выношу пьяных. Но потом он запел песню «Осень» группы «ДДТ», и я позабыла обо всем на свете.

Что такое осень – это небо,
Плачущее небо под ногами.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень, я давно с тобою не был.
В лужах разлетаются птицы с облаками.
Осень, я давно с тобою не был...

Осень, в небе жгут корабли.
Осень, мне бы прочь от земли.
Там, где в море тонет печаль,
Осень – темная даль.

Что такое осень – это камни,

Верность над чернеющей Невой.

Осень вновь напомнила душе о самом главном,

Осень, я опять лишен покоя.

Осень вновь напомнила душе о самом главном,

Осень, я опять лишен покоя.

Осень, в небе жгут корабли.

Осень, мне бы прочь от земли.

Там, где в море тонет печаль,

Осень – темная даль.

Что такое осень – это ветер

Вновь играет рваными цепями.

Осень, доползем ли, долетим ли до ответа,

Что же будет с Родиной и с нами?

Осень, доползем ли, долетим ли до рассвета?

Осень, что же будет завтра с нами?

Осень, в небе жгут корабли.

Осень, мне бы прочь от земли.

Там, где в море тонет печаль,

Осень – темная даль.

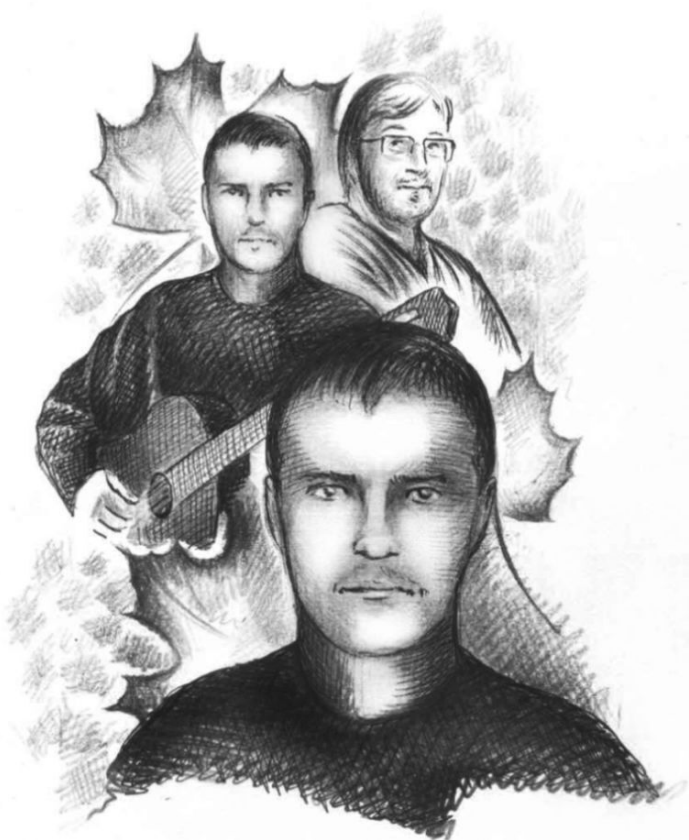
Тает стаей город во мгле,

Осень, что я знал о тебе?

Сколько будет рваться листва,

Осень вечно права.

Во время пения я почувствовала, что здоровая мужская энергетика Лухи просто зашкаливала. Он едва заметно картавил, но ему это даже шло. «Абсолютно уверена, отбоя у тебя нет от красивых девушек...» – помню, с грустью тогда подумала я.

Песня «Осень» тогда только-только появилась, и ее сразу запела вся страна. Она раздавалась из проезжающих машин, из окон домов, из бесчисленных кассетных магнитофонов. Ее непрерывно крутили по радио и по ящику.

Будущие поколения никогда не смогут понять то, что чувствовали в лихие девяностые мы, бывшие советские граждане, слушая эту новую песню Юрия Шевчука и его рок-группы «ДДТ». Еще совсем недавно великий и могучий СССР неожиданно рухнул как карточный домик. Наши прежние идеалы были в одночасье подло преданы теми же самыми людьми, которые нам их годами вдалбливали с самого раннего детства. В каждом из нас умер маленький Владимир Ильич Ленин. Бесчисленная болотная нечисть всех мастей выползла на свет и начала править свой сатанинский капиталистический бал на руинах великих надежд на светлое коммунистическое завтра. Невозможность честно зарабатывать на кусок хлеба, чтобы прокормить себя и свою семью, крушение планов на будущее, ощущение полнейшей безнадеги и потеря точки опоры заставили многих людей пуститься во все тяжкие. Сильные и здоровые мужики спивались, школьные учителя становились барыгами. Девушки массово шли на панель, а парни в бандиты. В умах молодых людей произошла полная подмена понятий. Проститутки романтично стали называть ночными бабочками, а гнусных, не знающих жалости убийц, – киллерами.

Но люди всегда остаются людьми и не хотят расставаться с верой, что рано или поздно все изменится к лучшему. Перед самым отъездом из Академгородка я заметила, что на перекрестке Морского проспекта и моей родной улицы Терешковой появился большой транспарант с надписью: «Не угашайте духом!». И вот теперь новая песня Шевчука стала таким же жизнеутверждающим лозунгом, но уже в масштабах всей нашей необъятной Родины. В ее задушевных красочных ритмах мне слышалась и жгучая боль от царящей повсюду разрухи, и светлая вера в неизбежное скорое возрождение.

– Давайте зажжем свечи и будем читать стихи, – предложила Вика, когда Луха смолк. Петть под гитару она не умела, но принять активное участие в творческом вечере ей тоже явно очень хотелось.

– Инициатива наказуема, так что ты будешь первая, – сказал Изя. – Только, если это про любовь, то не очень долго, пожалуйста, – попросил он с нескрываемым ехидством в голосе.

– Изя, я тебя когда-нибудь убью! – Вика метнула на него яростный взгляд.

Изя тут же хотел что-то ответить, но Илья быстро прижал ему свой указательный палец к губам и отрицательно помотал головой. С Викторией иногда лучше не шутить.

Среди наших не бог весть каких больших запасов нашлось аж целых пять свечей. Мы их расставили на столике и зажгли. Потушили верхний свет, и убогая комнатуха сразу

же погрузилась в романтический полумрак. Вика начала читать стихи, в которых я правильно угадала неподражаемый и загадочный стиль Арсения Тарковского:

Я надену кольцо из железа,
Подтяну поясок и пойду на восток.
Бей, таежник, меня из обреза,
Жахни в сердце, браток, положи под кусток.
Схорони меня, друг, под осиною
И лицо мне прикрой придорожной парчой,
Чтобы пахло мне душистой овчиной,
Восковою свечой и медвежьей мочой.
Сам себя потерял я в России...

Вика читала с чувством, красиво, смакуя каждое слово. Когда она замолчала, я заметила, что глаза ее увлажнились. Изя задумчиво начал вертеть стакан, а Луха отставил в сторону гитару, облокотился на стол и прикусил большой палец. Вот так всегда. Парни, которые Вику плохо знают, думают, что такие красивые девушки по определению должны быть легкомысленными, а если чем-то и увлекаются, то лишь какой-нибудь дешевой попсытиной.

– Я тоже могу прочитать один стих, – сказал Илья. – Но честно предупреждаю, он будет с матами.

– Фу, Илья, при нас с Анютой не смей! – возмутилась Вика.

Я удивленно посмотрела на Илью. Ни разу не слышала, чтобы он матерился. Тем более при Вике...

– Девочка моя, поверь старому и мудрому еврею, матюги очень разные бывают. Наверное, это какие-то особые матюгальники, – light version – специально предназначенные для употребления при дамах и в приличном обществе, – предположил Изя.

– Вик, эти стихи называются «Два танкиста»; их написала восемнадцатилетняя девушка, – не обращая никакого внимания на Изю, сказал Илья. – Ее любимого человека, выпускника военного училища, убили в Чечне... Она захотела понять, за что он умер. Устроилась военным репортером и поехала в Чечню, где сразу полезла на передовую, в самое пекло. Кстати, ее тоже зовут Вика, Вика Скайнова.

– Ну, если так... Читай, конечно. Мне даже самой теперь интересно стало, – великодушно разрешила за нас обеих Вика.

Илья встал, подошел к окну и какое-то время молча смотрел в темноту ночи. Потом начал читать.

Два танкиста

Нас было трое... Витька... тот...

почти что сразу...

Лишь прохрипел: "Вот, блин, не прет..."

ведь до приказу..."

Под Новый год... такая хня...
как есть – непруха.
Сполна плеснула нам Чечня!
в бочину... "мухой" ...

Жгут затынул... держись, земляк...
помогут в роте...
На лоскуте висит ступня
ошметком плоти...

А чичи, сука, взяли след,
как свора гончих...
– Не оставляй меня, Паштет...
уж лучше кончи...

А я несу сплошную муть:
– Не ссы, товарищ...
Про Новый год, мол, не забудь,
мол, че подаришь...

На горб взвалил и побежал...
тут – или-или...
И как влупили тут по нам...
Как, ****ь, влупили!

Аж в пятки рухнулась душа –
какая смелость?!

Ах, как бежал я! Как бежал...

Как жить хотелось...

Мне до сих пор –

все тот же сон

полночной мукой...

Те двести метров... я и он...

как вши под лупой...

– Дошли, Серега! Все пучком!..

Перевернули...

Три пули по спине рядком...

МОИ, ****Ь, ПУЛИ!

Ну да – война... ну да – в бою...

но... кто ответит...

Он жизнь мне подарил свою...

Как жить-то с этим?..

–

И Пашка водки нацедил,

Чуть пролил даже...

И молча выпила я с ним.

А че тут скажешь...

Повисла гробовая тишина. Пламя свечей дрожало, отбрасывая причудливые тени. Глаза моих друзей как-то странно блестели. Я поняла вдруг, что у всех навернулись слезы. Я и сама чуть не ревела.

– Ребят, давайте за них выпьем, – подал голос Изя.

Он нацедил всем в чайные стаканы немного водки, и мы выпили молча, не чокаясь, за Пашку, Витьку, Серегу и ту отважную девушку...

В соседнем бараке, где обитала мужская часть стройотряда, ярко горели все окна. Оттуда доносились шум и смех. А мы нашей маленькой компанией находились словно на другой планете. Так какой-нибудь звездной тихой ночью мимо деревни, расположенной на берегу реки, проплывает прогулочный корабль. Он весь освещен яркими разноцветными огнями; на верхней палубе под громкую музыку танцуют отдыхающие. В обнимку у бортика стоят молодые пары. Кто-то курит, равнодушно глядя, как за бортом медленно уплывают вдаль темные дома. Потом бросает тлеющий окурок в воду и снова присоединяется к танцующим, не оставив в своей памяти и следа о забытой богом и людьми неизвестной маленькой деревушке...

Потом Изя решил разрядить обстановку. У него это любимое занятие. Всегда только и делает, что везде ее разряжает. Особенно, когда рядом Вика... Изя достал записную

книжечку, с которой, как я вскоре поняла, он никогда не расставался, и его понесло.

– Вашему вниманию представляется Николай Глазков, советский Омар Хайям. Ну, вы-то, конечно, про него ничего не знаете, – надменно произнес Изя и начал читать.

А вы бы могли бы
Постичь изречение:
Лишь дохлые рыбы
Плывут по течению!

Трудно в мире подлунном
Брать быка за рога.
Надо быть очень умным,
Чтоб сыграть дурака.

Из рюмочек хрустальных и стеклянных
Я коньяки и вина часто пью,
Но не люблю, не уважаю пьяных,
А трезвенников – тоже не люблю!

* * *

Мне говорят, что "Окна ТАСС"

Моих стихов полезнее.
Полезен также унитаз,
Но это не поэзия.

* * *

Сам себе заехать в рожу
Я могу, а плюнуть – нет!
И стихов писать не брошу,
Потому что я поэт!

Я иду по улице:
Мир перед глазами.
И стихи стихуются
Совершенно сами.

Плывет луна за мной, как карась,
не плыви, луна, отвяжись.
Разве знаешь ты, сколько раз
начинал я новую жизнь?

Покуда карты не раскрыты,
играй в свои миры.
И у разбитого корыта

найдешь конец игры.

И, утомленный неборьбой,
посмотришь на ландшафт
и станешь пить с самим собой
стихи на брудершафт.

Я на мир взираю из-под столика.
Век двадцатый – век необычайный.
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней.

Шебуршит колючий снег.
В стуже и во мраке
мерзнет бедный человек –
лучший друг собаки».

И неприятности любви
в лесу забавны и милы –
ее кусали муравьи,
меня кусали комары».

– Изя, остановись! – замахала руками Вика. – Ты нам весь

траурный вечер испортил. Как мы с Анюткой теперь завещания будем писать? Никакого настроения уже нет!

Я решила помочь Вике остановить разошедшегося не на шутку Изю и попросила передать мне гитару.

– Раз уж, ты, Изя, стал пропагандировать Глазкова, я спою одну песню на его стихи, – сказала я и объявила:

– «Песня о птицах», музыка моя, слова никому не известного здесь автора. Называть имя даже и не буду, потому что оно вам все равно, конечно, неизвестно... – не удержалась я от язвительно реверанса в сторону Изи.

– Так его, Анютка! – довольно захихикала Вика.

Я взяла первые аккорды, немного подстроила гитару и начала петь.

Песня о птицах

Печальной будет эта песня
О том, как птицы прилетали,
А в них охотники стреляли
И убивали птиц небесных.

А птицы падали на землю
И умирали в час печали,
А в них охотники стреляли
Для развлечения и веселья.

А птицы знали-понимали,
Что означает каждый выстрел,
Но неизменно прилетали
К родной тайге у речки быстрой.

И не могли не возвратиться
К родимой северной округе,
И песни горестной разлуки
Весной веселой пели птицы.

А в них охотники стреляли
И попадали в птиц, не целясь,
И песню скорби и печали
Весной веселой птицы пели.

Когда отзвучал последний аккорд, я протянула гитару Лухе, но он наотрез отказался ее брать и попросил меня спеть что-нибудь еще. И тут раздался стук в окно. Оказывается, на улице напротив нашей комнаты уже стояло несколько человек. Они попросили, чтобы я вышла и пела для всех. Ребята были не против. Мы вышли. Между двумя бараками быстро соорудили небольшой костерок, вокруг которого все столпились. Я подобралась поближе к костру и снова взяла Лухину гитару в руки. Настроение у меня было на редкость светлое. Я уже распелась, и поэтому мой голос зазвучал в полную силу.

Я долгое время мечтала стать оперной певицей. Мне не раз говорили, что голос у меня как у великой Марии Каллас, с которой я всегда чувствовала какую-то странную связь. Удивительно, но мы обе с ней родились в один и тот же день – второго декабря. Ну и намучилась же я со своим голосом, прежде чем его правильно поставить...

Окончив школу, я сразу не могла окончательно определиться, чего больше хочу – заниматься наукой или петь в опере, поэтому стала поступать сразу и на физический факультет НГУ, и в нашу Новосибирскую консерваторию. Я решила, что окончательный выбор сделаю после вступительных испытаний. При этом была на сто процентов уверена: в консу меня возьмут с руками-ногами, а вот на физический факультет – вряд ли, поскольку, как я слышала от кого-то, девушек там валят на экзаменах просто из принципа. Все произошло ровным счетом наоборот. При поступлении в университет я легко набрала 15 баллов из 15 возможных. А накануне экзаменов на вокальное отделение у меня неожиданно сильно заболело горло и голос слегка подсел. Экзаменаторша, некая Диденко, без обиняков заявила, что мой потолок – петь колыбельные. Пришлось забросить в самый дальний ящик свои детские мечты об оперной сцене и удовлетвориться пением в хоре НГУ.

В тот вечер я спела пару песен Визбора и что-то из репертуара Далиды и Джо Дассена. Потом гитара пошла по кругу. Наверное, мы просидели бы так у костра всю ночь на-

пролет, если бы вскоре после полуночи в нашем женском бараке не открылась форточка, откуда высунулась голова какой-то пьяной девахи. Прокуренным голосом, подкрепляя краткую речь самым отборным матом, она прозрачно намекнула всем, что завтра с утра на работу, и пора бы уже, наконец, разойтись. Что ж, трудно было не признать ее правоту: утром начиналась наша смена, а работу еще никто не отменял.

Костер уже почти догорел. Только красные угли таинственно перемигивались с мириадами звезд над нашими головами... Я перестала играть и нехотя встала на слегка затекшие ноги. Кто-то взял гитару из моих рук. Я подняла глаза. Передо мной стоял Луха. Он смотрел на меня уже совсем иначе. Каким-то внутренним женским чувством я поняла, что поднялась в его глазах совсем на другую ступень – ту, что отделяет девушку в глазах мужчины от прочих друзей и знакомых. И мне это нравилось. Я была одинока. С парнями у меня никогда не складывалось. Во-первых, я всегда считала себя некрасивой. А во-вторых, мать моя с раннего детства внушала мне, что для девочки даже просто общаться с парнями – это предосудительно. Я удивлялась, как мои сверстницы легко находят общий язык с мальчиками, которые казались мне существами совсем другого мира. Увы, научиться у своих подруг такой же легкости я не могла. Во время учебного года все мое свободное время уходило на занятия музыкой. А на летних каникулах я или работала на даче, или

ходила с матерью в туристические горные походы, участники которых были в основном мамы ровесниками.

Анна

Только после школы, когда я поступила на первый курс физического факультета, удача мне улыбнулась в лице моей ослепительной одногруппницы Вики Рубиновой. Она, наверно, и не догадывается, как меня восхищает ее поразительное умение нравиться парням, сохраняя при этом вокруг себя определенную дистанцию. Я обожаю наблюдать ее флирт – самый пряный и сочный из всех, какой только может быть, но едва уловимый, заканчивающийся задолго до той грани, что отделяет порядочность от распущенности. Все это можно охарактеризовать одним словом – ЖЕНСТВЕННОСТЬ. Черта, которой мне всегда страшно недоставало...

Солнечная Вика

Общение с Викторией дало свои плоды. Ее потрясающие эмоциональность и свобода разбудили тайные струны в моей одинокой душе. Пускай я до сих пор в отношениях с мужчинами веду себя слишком зажато и даже подчас дико, но тогда, ночью, под пристальным взглядом Лухи я в первый раз в жизни почувствовала себя настоящей Женщиной – такой, какой она и должна быть всегда: загадочной и прекрасной. Подобно Золушке, под дымчатым флером волшебной ночи я чудесным образом преобразилась вдруг в прекрасную фею с ангельским голосом. Конечно, потом, с первыми же лучами солнца, этим чарам суждено развеяться, и мой принц увидит при свете яркого дня, что у его принцессы кривые ноги и большой нос, а еще черные усики, которые я никогда не удосуживалась выщипывать. А принцесса увидит, что он это увидит, и запрет все нежные чувства куда-нибудь в дальний и пыльный чулан своего сознания, повесив на дверях большой амбарный замок. А ключ выбросит с самой высокой скалы на самое глубокое дно синего моря. Надо бы не забыть над дверью написать большими печатными буквами: **ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.**

Вика взяла меня под руку, и мы пошли к женскому барраку. Наши мальчишки провожали нас до самых дверей. Было уже совсем темно. Холодный ветер, дувший с океана, заставлял

ежиться. Луху я не видела, поскольку он шел чуть позади, но тем не менее хорошо чувствовала его близость. Связь, которая неожиданно зародилась между нами в ту ночь, тоненькой, едва заметной серебристой ниточкой соединяла наши сердца. Перед самым входом в барак я остановилась, словно боясь, что захлопнувшаяся за нами дверь порвет эту нить безвозвратно. Меньше всего сейчас мне хотелось проверять ее на прочность.

Весь наш небольшой путь до барака Вика с Изей без умолку о чем-то весело переругивались в своей обычной манере, ставшей для меня уже совершенно привычной. Но в этот раз я не слышала ни одного их слова, настолько была погружена в собственные переживания. Перед тем как войти в черво длинного тускло освещенного коридора, я посмотрела на Луху и сразу успокоилась. В темноте он возвышался надо мной, как скала, незыблемая и надежная, держа в одной руке свою гитару, а в другой так и недопитую бутылку водки. Одного быстрого взгляда под особым углом мне было достаточно, чтобы убедиться: все мои романтические грезы – не плод разыгравшегося воображения одинокой девушки. С некоторых пор я вижу и знаю гораздо больше, чем могут предположить окружающие меня люди...

Араданский хребет

Это произошло прошлым летом. В июне к моей хорошей приятельнице Аленке Водопьяновой приехал из Магадана ее отец, Владимир Игоревич. Она загорелась сходить вместе с ним на пару недель в какой-нибудь не слишком утомительный горный поход. Я согласилась составить им компанию. После долгих поисков подходящего маршрута наш выбор пал на Арадан. Араданский хребет расположен всего в 50 километрах от кишачих туристами Ергаков. Благодаря внешне менее эффектному рельефу гор и большей труднодоступности, людей в этих местах практически не бывает, что явилось определяющим фактором в нашем выборе. Кроме того, мы там ни разу еще не были и захотелось не упустить возможность еще раз окунуться в атмосферу настоящей весны. В силу климатических условий зима здесь морозная и долгая. Снега по-настоящему начинают таять только в самом конце мая, поэтому лишь ближе к концу июня склоны гор, берега ручьев и хрустально чистых озер покрываются сочной зеленью и бесчисленными цветами.

Поход этот едва не стал для меня последним и полностью изменил всю мою дальнейшую жизнь. Дело было так. В один из дней мы налегке поднялись из нашего лагеря на самую высокую вершину хребта – пик Араданский. Целую неделю до этого без единого перерыва моросил дождь, который вы-

мотал из нас всю душу. А тут в кои-то веки небо было абсолютно чистым. С вершины пика перед нами открылся вид на Ергаки такой грозной красоты, что захватывало дух. Гигантские, черные, как ужас ночи, тучи повисли над цепью величественных гор, расположенных напротив нас. Там, вдалеке над ними, шла мощная гроза. Это было хорошо видно по бешено проносющимся разрядам молний, которые то и дело озаряли клубящиеся тучи своими ослепительно-яростными вспышками. Апофеозом всего стала двойная радуга. Мы бросились фотографировать происходящую перед нами завораживающую мистерию. А между тем гроза неумолимо приближалась, что чувствовалось по усилившемуся ветру и насыщенному озоном воздуху. Атмосфера наполнилась статическим электричеством. Я посмотрела на прикинувшую к видоискателю своего фотоаппарата Аленку и обомлела: ее длинные темные волосы стояли столбом. Это было настолько противоестественно, что у меня началась истерика. Аленка обернулась на звук моего гомерического хохота и сразу поняла его причину: мои волосы торчали точно таким же образом. Видимо, от переизбытка кислорода нас обеих охватила дикая эйфория, мы смеялись как сумасшедшие, фотографировали друг друга и веселились точно малые дети. Позади меня находился геодезический триангуляр. В какой-то момент я, потеряв всякую бдительность, прислонилась спиной к его металлическим конструкциям. Делать такое на самой высокой вершине горного хребта во время налетающей

сильной грозы – это чистое безумие. Мне до сих пор делается стыдно, когда вспоминаю, как я тогда глупо вляпалась.

Расплата за мое легкомыслие произошла мгновенно: в треуголяр ударила молния. Меня отбросило на крутой склон, и я кубарем покатила вниз. Мне хорошо запомнился этот момент, потому что примерно один такт, состоящий из трех ударов сердца, я еще осознавала, что со мной происходит. ОДИН-ДВА-ТРИ – и мое сердце остановилось. Я решила, что уже навсегда. Не нахожу никаких слов, чтобы передать ощущение безысходной мировой тоски, которая меня в тот момент охватила. Точнее, меня как таковой больше не существовало вовсе – я и была всецело этой мировой скорбью, заполнившей своей глухой массой всю Вселенную. Наверное, мои слова выглядят как полный бред, но выразить по-другому тогдашние ощущения я не в силах.

Потом наступило освобождение. Я увидела свое тело с высоты. Под плотной стеной ливня оно лежало в неестественной позе, остановленное в своем падении куском скалы, выходящим из склона. С вершины, осторожно передвигаясь по скользким камням и мокрой траве, к нему спускались два человека. В девушке с распущенными, мокрыми от дождя волосами я узнала Аленку. Волосы все время падали прямо на ее покрытое смертельной бледностью лицо, закрывая обзор, и она отводила их руками. В пожилом мужчине я узнала ее отца, Владимира Игоревича.

Добравшись наконец до меня, они стали тормозить мое бездыханное тело. Убедившись, что я не подаю никаких при-

знаков жизни, перевернули на спину, а затем начали делать прямой массаж сердца и искусственное дыхание. Я взирала на их тщетные попытки совершенно равнодушно. Зачем все это? Ведь я не собираюсь возвращаться. Подобно сжатой спирали, которая вдруг неожиданно полностью распрямилась, вся моя жизнь развернулась передо мной, и я не увидела в ней ничего, за что бы хотелось зацепиться. В конце концов мне смертельно надоело смотреть на землю и меня понесло куда-то вверх.

Не знаю, сколько это длилось. Я совершенно перестала ощущать время так, как ощущала на земле. Пожалуй, библейское «все ныне и здесь» правильно передает мое тогдашнее восприятие окружающего мироздания. Не было уже ни прошлого, ни будущего. Вокруг был только Свет, и впереди ждала бесконечная свобода, к которой я безудержно мчалась на всех своих парах. Но меня остановили...

Если бы я могла тогда кричать и чувствовать боль, то от моего негодующего крика содрогнулись, разлетелись бы вдребезги все галактики, а боль от того, что я остановлена на пути к моей единственной Цели, добила бы меня уже окончательно. Но я не могла ни кричать, ни тем более испытывать хоть что-то, отдаленно напоминающее человеческие ощущения. Я просто замерла и увидела перед собой то, что про себя назвала своей смертью.

Вряд ли возникшее на моем пути словно из ниоткуда Существо имело в себе хоть что-то, напоминающее обычный

человеческий облик. Но Ему захотелось, чтобы я видела Его в образе Прекрасной Женщины в белых сверкающих одеждах и со скрытым полупрозрачной вуалью лицом. Меня всю охватил трепет, и я встала перед Ней на колени, ожидая своего приговора.

– Тебя зовут Анна, – назвала Она одно из моих многочисленных прошлых имен, которое, признаться, я уже с трудом помнила. – И ты пришла сюда раньше своего срока...

– Я не хочу возвращаться, – с огромным трудом пролепетала я.

С моей стороны это был настоящий бунт, и только боги знают, чего мне стоило тогда на него пойти перед лицом подавляющей меня своим неземным светом Мощи.

– Анна, ты можешь не возвращаться, но если ты все-таки вернешься, то сможешь спасти твой прекрасный и несчастный мир. Посмотри на него еще раз, – спокойно сказала Она и сделала жест рукой, чтобы я обернулась.

Это был удар ниже пояса. Мне ничего не приказывали. Меня просто просили. Просило самое милосердное и всемогущее в мире Существо, рядом с которым я могла себя чувствовать лишь бесконечно малой песчинкой.

Я обернулась. Отсюда, сверху, Земля представлялась в виде жалких клочков суши, зажатых со всех сторон водами морей и океанов, с отравленным воздухом, с почти уничтоженной растительностью. Я увидела бесцельно копошащихся жителей Земли, у которых не было никакого будущего.

Еще пара, ну, максимум, тройка сотен лет – и на всей планете не останется ничего, кроме мертвых остовов городов, погребенных под слоем радиоактивного пепла, да редких выживших на свою бедную голову земных обитателей. Пока еще, впрочем, виднелись островки природы, почти не тронутые безжалостными руками людей. И это оказалось самым лучшим, что там вообще было. Потом я заглянула в людские души. В первую очередь меня интересовали дети. Эти жизнерадостные и целомудренные существа, исполненные полного доверия к окружающему миру, наполнили мое сердце материнским трепетом и любовью. А потом... потом я увидела их. Ходячих мертвецов. Назвать тех существ живыми – не поворачивается язык. Я никогда не видела ничего более ужасного. Внешне они напоминали людей, точно так же, как искусственные цветы могут внешне походить на настоящие. Но цветы по крайней мере безвредны. А эти были настоящими монстрами, убивающими все живое вокруг себя. Самое страшное заключалось в том, что у них полностью отсутствовали органы, которые позволяют людям испытывать чувство любви к ближним. Единственное, что доставляло им удовольствие – удовлетворение низменных инстинктов и желаний. При этом многие были наделены весьма изощренным интеллектом. Когда такие существа умирали, от них не оставалось ничего, только пустая быстро разлагающаяся оболочка. Внутренне они знали, что обречены, и поэтому цеплялись за свою жизнь любыми доступными способами. Люди,

обладающие хотя бы зачатками духовности, вызывали у монстров дикую злобу и ненависть. Особенно сильно они ненавидели детей и стремились их растлить всеми возможными способами, чтобы сделать подобными себе. Этих мертвецов было очень много. Ничуть не меньше, чем нормальных людей. И с каждой минутой становилось все больше и больше. Я с ужасом увидела города и страны, полностью заселенные ими...

– Что ты чувствуешь? – спросила меня Прекрасная Женщина.

– Я хочу их немедленно уничтожить... Всех до единого! – мрачно ответила я. Всем своим существом я теперь рвалась обратно, чтобы смести с лица земли эту ужасную заразу и спасти детей от ее липких и развратных лап.

– Хорошо, Анна, тогда возвращайся и сделай это. Теперь ты сможешь видеть таких людей и скоро найдешь способ, как навсегда избавиться от них всю Землю.

На этом месте мой смертный сон оборвался.

– Слава Богу!!! Папа, она дышит! – это были первые слова, которые я услышала. Надо мной склонилась радостная Аленка. Над ее головой полыхало розовое сияние. «Прямо святая», – улыбнулась я про себя. И все же увиденное меня несколько встревожило: с моими глазами явно было что-то не так.

Владимир Игоревич распрямил затекшую спину, и сквозь его густые усы промелькнуло что-то похожее на улыбку.

– Вот и славненько, – буркнул он, – теперь будем выбирать.

Легко сказать «будем выбирать», я ведь даже еще не могла пошевелиться. Я была совершенно растеряна. Но то я, а Аленкин папа оказался человеком бывалым. Школьный учитель, большую часть жизни он занимался туризмом; и зимой, и летом водил своих учеников в пешие походы по Магаданским сопкам и был готов, пожалуй, к любым жизненным ситуациям. Будучи весьма пожилым человеком, он не смог бы меня тащить в одиночку, да еще в гору. Но выбирать было нужно как можно скорее: до темноты оставалось не так много времени. Ливень сменился ледяным мелко морозящим дождиком, который не давал никаких надежд на скорое прекращение. Холод от промокшей насквозь одежды пробирал уже до самых костей.

Меня перевернули на живот. Аленка с отцом встали на четвереньки, и я обхватила руками их шеи; потом они на ка-

рачках поползли вверх по склону, а я волоклась между ними, умирая от стыда за свою беспомощность и проявленную беспечность. До вершины мы добрались минут за тридцать. Потом был долгий и утомительный спуск. Уже в полной темноте, смертельно уставшие и замерзшие, мы приблизились к нашей палатке.

– Коньячку бы сейчас дерябнуть... – донеслись до меня слова Владимира Игоревича.

– Коньяка нет, но у меня в аптечке есть немного медицинского спирта, – прохрипела я, едва шевеля разбитыми губами.

– Аня, да вы просто мои мысли читаете, – весело отозвался Аленкин папа, и я увидела, как над его головой колыхнулось едва различимое светлое марево.

– А разве... – начала было я, но сразу прикусила губу, осознав: вслух про коньяк он ничего не говорил. С моей бедной головой определенно было что-то не так...

На следующий день мы устроили мой тщательный медицинский осмотр. Я сгибала и разгибала все свои суставы. Щупала ребра, вертела шейю. Было похоже на то, что я отделалась всего лишь многочисленными ушибами и ссадинами. А еще говорят, что чудес на свете не бывает! Впрочем, падая, я инстинктивно сгруппировалась так, как в горных походах учила меня когда-то мать. Вероятно, это и спасло мою жизнь. Но все тело было в синяках и кровавых подтеках; у меня сильно поднялась температура и резко участился

пульс. Мы решили, что я отлежусь несколько суток в палатке, а потом начнем потихоньку возвращаться домой.

Пока Аленка с отцом ходили в радиалки по окрестным местам, я валялась в палатке и предавалась размышлениям. Никаких сомнений больше быть не могло: у меня проявились способности к чтению мыслей. Кроме того, я, кажется, начала видеть ауры. Видение о встрече с Прекрасным Существом, которое я поначалу восприняла как безумный бред умирающей, теперь казалось мне не таким уж и бредом. Осталось встретить хоть одного ходячего мертвеца, чтобы окончательно в этом убедиться. Я припомнила, что Она говорила о моей новой способности их легко обнаруживать. Какие же это мерзкие твари... Интересно, как я смогу их всех уничтожить?

После некоторых размышлений я пришла к следующим выводам. Во-первых, о своих новых способностях – никому ни звука. Так ведь можно и всех друзей растерять. Кто же в здравом уме захочет общаться с человеком, для которого все твои самые сокровенные мысли и желания как на ладони. Лично я, узнай вдруг, что кто-то обладает способностью читать мои мысли, сторонилась бы от него как от чумы. С даром видеть чужие ауры дело обстоит ничуть не лучше. Скажи я кому про них, – сразу разнесется слух, что Журавлева чокнулась после того, как ее огрело молнией. Плакала тогда моя научная карьера... Во-вторых, целью моих научных интересов должно стать изучение физической природы свече-

ния, которое я способна видеть. Возможно, получится сделать прибор, способный его фиксировать. У ходячих мертвецов оно может отсутствовать вовсе или иметь какую-то ярко выраженную особенность. Потом уже можно будет подумать, как от них избавляться. Главное, хранить мои исследования в тайне. Эти существа могут обладать вполне себе хорошим интеллектом, а значит, пойдут на все, чтобы их не разоблачили. Я что-то слышала про супругов Кирлиан, которые изобрели метод фотографирования излучения растений. Официальная наука подвергла их жесточайшей обструкции. Теперь я догадывалась, чьи уши за этим торчали. Если верить тому, что я видела после остановки сердца, то против меня одной сейчас несколько миллиардов бездушных выродков. Что ж, отступать мне некуда. Дрожите твари, я бросаю вам вызов!

Сборы в автономный поход

Распрощавшись со всеми, мы с Викой ушли в свою комнату. Уборку стола отложили до завтра: силы оставались только на то, чтобы наскоро почистить зубы, кое-как расправить постель и завалиться спать. Когда я по оставшейся с детства привычке укрылась с головой под одеялом, то мгновенно погрузилась в сладкую дрему, из которой не хотелось уже никуда выбираться. Так бы и лежала, наверное, целую жизнь. Я нравлюсь Лухе... Господи, как, оказывается, мало нужно для счастья!

Весь следующий день пролетел для меня точно во сне. С утра Вика мне сообщила, что наши мальчики решили обойти остров. Всего-то 50 километров, если идти по его периметру. Можно управиться за три дня и никуда при этом не спешить. Нас с Викторией, разумеется, брали с собой. Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, завтра же утром решено было отправиться в путь. А сегодня вечером Изя к нам зайдет, чтобы помочь собрать вещи в дорогу.

– Изя считает, – сказала Вика, – что такую ответственную вещь, как сборы в путешествие по необитаемым джунглям, нам с тобой доверить никак нельзя. Поэтому он сегодня придет и будет лично нас инструктировать, что брать, а что нет.

– А как же быть с работой, – начала было тревожиться я. – Тут же страшно все строго. Сухой закон, никаких про-

гулов. За любой косяк сразу увольняют без всяких выплат и отправляют домой.

– Не переживай, – как обычно отмахнулась от подобных пустяков Вика. – Илья все уладит.

После этого известия я уже не могла думать ни о чем другом, кроме как о предстоящем путешествии. Как будто чувствовала, что последующие три дня навсегда лягут самым ярким пятном на всю мою оставшуюся жизнь, даже несмотря на то, что я опять совершу несусветную глупость и лишь каким-то чудом останусь в живых. Впрочем, надо быть перед собой до конца честной, как раз именно поэтому...

Вечером Изя пришел к нам в комнату. Он сразу же бухнулся к Вике на кровать, сладко потянулся, зевнул и начал свой инструктаж.

– Так, дети мои, слушаем меня очень внимательно, потому что от этого зависят ваша жизнь и здоровье моих расшатанных нервов. Вика, ты себе хоть немного представляешь, что значит автономный поход на необитаемом острове?

– Ну, я ходила в какие-то походы, конечно... – неуверенно произнесла Вика. – Но это все были небольшие походы на один день, без ночевки в палатке.

– Вот! – Изя торжественно поднял вверх указательный палец. – Походы на один день, под присмотром взрослых и вблизи населенных пунктов. Это даже и сравнивать нельзя с тем, что нам всем предстоит. Поэтому слушаем меня очень внимательно и не перебиваем.

Изя велел Вике достать лист бумаги и дословно записать полный список необходимых для похода вещей. Меня Изя, кажется, даже не замечал, а я, разумеется, благообразно помалкивала. Раз уж Изя решил, что он главный, то пусть так и будет. Нарушать субординацию было не в моих правилах. Хотя, имея восьмилетний опыт походов, я могла бы, наверное, вставить что-то дельное.

– Вика, записывай первый пункт, – начал диктовать Изя. – Пиши цифру один с точкой и затем название раздела с большой буквы: «Туалетные принадлежности».

Вика молча все в точности записывала. Она, конечно, скрипела зубами и с трудом сдерживалась, чтобы не съязвить что-нибудь насчет Изинового педантизма, но пока умудрялась смиряться.

– Итак, пиши. Полкуска мыла. Имейте в виду, это вам с Аней на двоих. Записала? Теперь с новой строчки пиши цифру два с точкой и новый раздел: «Посудные принадлежности». Не забудь, название раздела – с большой буквы.

– Как, и это все?! – не удержалась Вика. – А как же зубная паста и зубная щетка, полотенце, туалетная бумага...

– Девочка моя, – покровительственно объяснил Изя, – когда идут в автономный поход, самое первое правило – не брать ничего лишнего. Ты слышишь, НИ-ЧЕ-ГО. Каждый грамм веса должен быть под полным контролем. Максимальная скорость группы в походе равна скорости самого слабого ее участника. Если рюкзак такого участника будет перегру-

жен всякой белибердой, то это будет иметь катастрофические последствия для всей экспедиции. А теперь догадайся с трех раз, кто у нас является самым слабым звеном группы?

Вика на это насупилась, но ничего не ответила.

– Зубную пасту для вас с Аней возьмет Илья, – снизошел до объяснений Изя. – Я, конечно, выдавлю из тюбика лишнюю половину. На три дня нам всем должно хватить с лихвой, если будем экономно расходовать и не заблудимся. Вместо зубной щетки будешь пользоваться своим указательным пальцем. Я тебя потом научу.

– Ну хорошо, – согласилась Вика. – Допустим, чистить зубы я буду своим указательным пальцем. А чем, скажи, пожалуйста, я буду вытирать попу?

– Тоже мне проблема. Листы лопуха тебе в помощь, – сказал Изя. – Надеюсь, показывать необходимости не возникнет. Кстати, ты когда-нибудь слышала, как поступали американские рейнджеры во время войны во Вьетнаме? Из-за тропического климата и плохой воды у них был постоянный понос. А снимать штаны, драпая от вьетконговцев, времени, как ты понимаешь, у них не было. Так вот, эти суровые парни просто проделывали себе дырки в штанах и облегчались прямо на ходу, как лошади. Будь морально готова, возможно, нам их опыт тоже пригодится.

Мы с Викой на это только подавленно промолчали. Даже мое богатое воображение категорически отказывалось представлять подобную перспективу.

– Теперь, если у вас не осталось больше глупых вопросов, переходим ко второму пункту, – продолжил инструктаж Изя. – Из посуды вы с Аней должны взять одну тарелку и одну ложку на двоих.

– Как, всего одну тарелку и одну ложку на нас двоих! А чай мы пить из чего мы будем? – не удержалась, чтобы снова не перебить Изю, Вика.

– Да, именно так. Есть вы будете из одной тарелки и только одной ложкой. По очереди, чего тут непонятного? Чай будете пить из консервных банок. Это гораздо практичней, чем таскать с собой тяжелые железные кружки. Консервы мы будем есть каждый день, так что банки в наличии всегда будут.

Вика начала покорно записывать и больше не пыталась перебивать Изю, чтобы не показаться этому великому походнику совсем уж полной невеждой.

Быстро покончив с туалетными принадлежностями и посудой, Изя перешел к одежде. Он потребовал предоставить ему все, начиная с исподнего белья и кончая домашними тапочками. Он тщательно взвешивал в руках наши свитера, футболки, трусы, лифчики и носки, откладывая в одну сторону то, что нам разрешалось взять с собой, а в другую то, что должно было остаться дома.

Наконец рюкзаки оказались полностью собраны. Изя с удовлетворением взвесил в руках каждый и сказал, что теперь он полностью спокоен за судьбу предстоящей экспедиции. Они в итоге действительно оказались очень легкими.

Когда за Изей закрылась дверь, Вика задумчиво сказала, что он все-таки большой молодец, раз пришел нам на помощь. Что сама бы она никогда не решилась брать на себя ответственность за такое серьезное мероприятие: организовать сбор необходимых вещей для многодневного автономного похода.

Танки

Илья, как обычно, оказался на высоте. Ему действительно удалось каким-то непостижимым для меня образом утрясти все вопросы, связанные с трехдневным отсутствием на работе каждого из нас. Поэтому ровно в восемь утра следующего дня наш небольшой экспедиционный отряд сибирских рейнджеров отважно отправился в дикие джунгли, – как выразился Илья, «искать приключений на свою голую задницу».

Для начала Луха повел нас на малокурильскую «танковую сопку».

Утро откровенно не радовало хорошей погодой. Небо было беспросветным. Все возвышающиеся вокруг нас сопки заволок густой туман, из которого местами мрачными призраками торчали верхушки деревьев. На окраине поселка мы миновали свалку, где тусила стая крупных, черных как смоль ворон, органично вписывающихся в окружающую жутковатую обстановку. Вороны не обратили на нас никакого внимания. Они тут совершенно непуганые. Отстрел их строго запрещен, поскольку на замкнутом со всех сторон океаном маленьком острове эти падальщики выполняют важную санитарную миссию по истреблению бытовых отходов.

Мы все плохо выпались, погода оставляла желать лучшего, поэтому настроение наше было далеко не праздничным. Особенно тяжело пришлось Илье, который пришел с ночной

смены и вообще за сутки не сомкнул глаз. Даже никогда не смолкающий Изя был на себя не похож и молчал как советский партизан на допросе в гестапо. Что касается меня, то мне хотелось громко выть, когда я смотрела на широкую равнодушную спину бодро шагающего впереди Лухи. Вчерашнее романтическое и полное тайных надежд сладкое ожидание утренней встречи с прекрасным принцем было в пух и прах побеждено хандрой. «Размечталась как дура! В зеркало бы на себя сначала посмотрела, прежде чем мечтать о душещипательном романе с молодым человеком», – думала я, полная отчаянных сомнений, что найдется в целом свете хоть один парень, способный полюбить девушку с такой страшной внешностью, как у меня.

– Ребята, смотрите, танк! – возбужденно вдруг закричал Изя, показывая рукой на торчащую из травы характерную, как бы срезанную сверху башню.

Да, это был танк ИС-2, легендарный солдат Великой Отечественной, настоящая гроза непобедимых немецких «Тигров», названный так в честь генералиссимуса Иосифа Виссарионовича Сталина.

Всю нашу мрачную утреннюю хандру враз смыло точно одной большой волной. Заинтригованные и полные жгучего любопытства, мы столпились вокруг могучего гиганта, давно позабытого всеми, основательно покрытого многолетней ржавчиной, но все еще внушающего уважение славной историей и внушительной боевой мощью.

– Господи, сколько же ему лет, – то ли спросила, то ли просто выразила свое восхищение Вика.

– Сорок четвертого года выпуска. Пришел сюда с Западного фронта, – ответил Луха. – Но такие, как он, тут редкость. В основном встречаются более поздние модели – ИС-3. Здесь их целая батарея. Раньше они охраняли бухту. Видите, – показал он рукой вперед, – остальные глубоко вкопаны. С моря их и не увидишь, пока по тебе не пальнут. Ну, а когда пальнут... тогда уже поздно будет... Там в бухте отсюда каждый сектор был надежно пристрелян. Если бы враг зашел, то никаких шансов выйти живым у него бы уже не было.

Вдоволь полазив по всем танкам, какие нам тут удалось обнаружить, мы стали спускаться с танковой сопки, чтобы дальше продолжить наше путешествие. Последний раз оглянувшись на грозные дула башенных орудий, повернутых в сторону Малокурильской бухты, я мысленно совершила глубокий поклон в сторону этих заслуженных стальных ветеранов, замерших здесь на вечном боевом посту на охране самой передовой юго-восточной границы нашей бескрайней Родины. Почему-то я чувствовала себя теперь спокойней и уютней под неусыпной стражей железных солдат той страшной Войны, которые никогда ни за какие деньги не предадут нас, в отличие от насквозь продажных политиков.

К обеду мы как заправские туристы прошли уже вполне приличное расстояние. Погода заметно улучшилась. Нале-

тевший с океана ветер умудрился сделать то, что еще утром казалось почти невозможным: разорвать на части непроницаемую стену нависших над нами туч так, что сквозь образовавшиеся просветы нас то и дело припекало жаркое солнце.

Когда мы подошли к очередной небольшой бухте, обрамленной восхитительной красоты скалами, Луха скомандовал сделать небольшой привал, чтобы отдохнуть и перекусить перед последним рывком до нашей будущей ночной стоянки. Мы открыли по одной банке сайры на двоих и начали ее уплетать за милую душу вприкуску с черным хлебом, запивая все эти изысканные деликатесы чистой водой из местной небольшой речушки. Наше пиршество гармонично дополнялось пряным запахом моря и великолепными морскими видами, которые до сих пор мне иногда снятся. Будь моя воля, осталась бы, наверное, тут навечно...

Изя поразил нас с Викой тем, что обильно посыпал сахаром свою порцию сайры.

– Изя, ты сахаролик, – очень серьезно сказала Вика. – Нужно срочно тебя лечить, пока ты не истребил весь наш сахар.

Все просто прыснули от такого специфического, но точного медицинского диагноза.

– Смирись, Вика, это уже не лечится, – сказал Илья. – А за сахар не переживай. Изя тащит отдельную порцию для себя лично. А вот когда он ее прикончит и начнется ломка, придется его на ночь связывать, чтобы не покусился на об-

щественные запасы.

– Злые вы, уйду я от вас, – сказал Изя, как раз закончивший уплетать свою сладкую дозу.

И в самом деле, он встал с камня и пошел не спеша вдоль берега. А через минуту раздался его крик. Он что-то нашел и махал нам рукой, чтобы мы шли скорей к нему. Оказалось, Изя набрел на древний дот, который издавна я сначала приняла за обычную бетонную будку. От него уже давно ничего не осталось, кроме защитного короба с внутренним полусгнившим бревенчатым каркасом. Изя с Ильей начали рыться в камнях в поисках отстрелянных гильз, а я отошла подальше от них и села на теплый серого цвета песок у самой кромки берега. К моим ногам в своем бесконечном ритме накатывались морские волны. Мне захотелось ненадолго побыть здесь одной.

Эрис

После удара молнией и пробуждения от своего смертного сна на склоне Араданского пика я в какой-то мере стала совершенно другим человеком. При этом некоторые открывшиеся во мне необычные способности, например, к чтению мыслей, здесь совершенно не причем. Все дело в том, что у меня к девятнадцати годам наконец-то появилась настоящая великая цель. И цель эта была уж точно не по плечу той по уши закомплексованной девочке по имени Аня Журавлева, которой я привыкла себя ощущать. Но самая большая неприятность заключалось даже не в этом. Ужасно было то, что образ угловатой, вечно неуверенной в себе, скромной и безответной Анечки был на века с железобетонной прочностью зацементирован в мозгах всех моих немногочисленных друзей, родных и знакомых. Каждый раз, когда в собственных мечтах я вырастала в грозную и ослепительно прекрасную валькирию, воздевшую могучую длань со смертоносным копьём, и от меня в страхе разбегались как тараканы по всем щелям мои бесчисленные враги, в этом моем истинном облики мне встречалась вдруг какая-нибудь тетя Маня из соседнего подъезда, или бывшая школьная приятельница, или, что хуже всего, моя лучшая подруга Вика, которая, конечно же, видела меня насквозь и знала меня как облупленную. Тогда я снова под тысячепудовой тяжестью чужих

представлений на свой счет превращалась в прежнюю ненавистную самой себе Анютку Журавлеву, такую простецкую и неказистую девчонку, которую и обидеть-то грех. Исправить сложившуюся ситуацию можно было только безжалостно перебив всех, кто хоть немного меня знал, или сбежав на самый край света, чтобы там с чистого листа начать свою новую жизнь. Увы, все это в моей ситуации мне представлялось и неуместным, и невозможным. Я была растеряна и абсолютно не знала, что делать, в то же время чувствуя непреодолимую потребность, подобно змее, сбросить старую засохшую оболочку и обрасти новой юной кожей; я хотела почувствовать за спиной могучие крылья, которые поднимут меня на новые, недостижимые прежде сияющие высоты.

Сейчас уже и не вспомню, как нашла спасительное для себя решение разрубить тот гордиев узел. Оно оказалось на удивление эффективным и простым, как все гениальное. Мне было нужно – всего-то навсего! – узнать или же самой придумать свое настоящее тайное имя. Этот веками проверенный способ сразу сделает меня неуязвимой для всех окружающих. Никто уже не сможет повлиять на мое внутреннее Я, как нельзя повлиять на расшалившегося на детской площадке ребенка, пока со строгим видом не обратишься к нему персонально, например, со словами: «Петя, а ну перестань дергать Алену за косички, а то...». И Петя, конечно, сразу поймет, что обращаются именно к нему; что он всего лишь маленький шестилетний мальчик, который в гла-

зах взрослых делает что-то неправильное. Он, разумеется, в корне с ними не согласен, но придется послушаться и найти себе другое занятие, потому что спорить со всеми этими большими дядьками и тетками, как он уже много раз горько убеждался за свою долгую жизнь, – занятие совершенно бесперспективное, и выйдет только себе дороже.

Мое новое имя пришло ко мне почти сразу, едва только я задумалась о нем. Конечно же, я – Эрис! Так звали загадочную темнокожую и синеглазую жрицу богини Кибелы из романа Ивана Ефремова «Таис Афинская». Я влюбилась в Эрис с первых же страниц, покоренная ее недоступной и смертельно опасной красотой. Большинство мужчин держались на почтительном расстоянии от этой прекрасной женщины. Ведь, чтобы завладеть жрицей храма Кибелы, нужно было в час свидания разорвать тонкую и необычайно прочную сеть, накинутую на ее нагое тело. И горе рискнувшему пойти на это, если его руки оказывались недостаточно сильными для такого подвига: смертоносный кинжал, который жрицы всегда прятали в своих густых волосах, одним, никогда не знающим промаха ударом навсегда лишал несчастного возможности повторить свою дерзкую попытку или найти потом себе более доступную любовницу. Только так – любовь или смерть! Для служительниц культа Великой Богини-Матери было бы недостойно иметь дело с мужчинами, которые не проявили достаточной воли доказать на деле, что их любовь хоть чего-нибудь стоит перед лицом Давшей жизнь

всему живому. Но если только прочная сеть была разорвана, то служительница храма из грозной жрицы превращалась в полную неги и страсти богиню Эроса. Все тайные любовные знания, снадобья и вековые любовные обряды, которым эти юные девы старательно обучались с раннего детства, обрушивались золотым дождем на счастливого смельчака.

Я – Эрис! И пусть все вокруг воображают себе, будто отлично знают меня. Они будут видеть, но не увидят; будут слышать, но не услышат; будут думать, что нашли, но не найдут; будут звать меня, но не докричатся.

Я – Эрис! И пусть со стороны мое тело – лишь слабое подобие моей настоящей божественно-прекрасной внешности; пусть на мне сейчас старые, истертые местами до дыр джинсы и толстый шерстяной свитер, а не легкое белоснежное храмовое одеяние; пусть мои губы и ногти никогда не накрашены, и на руках и ногах нет драгоценных браслетов, и все мое тело не умащено дурманящими разум благовониями; пусть я хожу на лекции в университет, а не получаю сокровенные знания в древнем храме; пусть я пою в любительском хоре НГУ, а не в священной роще перед изваяниями богов на рассвете и на закате; пусть я хожу на балльные танцы вместо того, чтобы танцевать для посвященных на тайных мистериях и празднествах. Но все-таки я – Эрис! Страстная любовница и нежная мать, мудрая жрица и сгорающий от жажды к сокровенным знаниям неофит, воинственная и заботливая, грозная и прекрасная жрица Кибелы, Великой Бо-

гини-Матери...

Погруженная в себя, я не заметила Луху, опустившегося рядом со мной на песок.

– Любуешься? – спросил он.

Его слова прозвучали как гром среди ясного неба. От неожиданности меня всю передернуло. Какое-то время я продолжала молчать: мне необходимо было прислушаться к себе. Моя невидимая половинка, моя Эрис, при посторонних обычно сразу же исчезала, и я никогда не делала даже малейшей попытки ее удержать. Но сейчас она как будто бы не торопилась уходить. И это было для меня совершенно новое ощущение.

– Я не знаю, – наконец, отозвалась я. – Скорее, размечталась... Ребятам удалось найти какие-нибудь следы боев? Этот дот... Люди, которые с моря в полный рост шли на него в атаку – они же настоящие смертники...

– Здесь, да и вообще на всем острове, никаких сражений не было... – ответил Луха и добавил после небольшой паузы:

– Пока не было...

– Это хорошо, – сказала я. – Даже страшно подумать, сколько людей могло бы здесь погибнуть... А на других островах тоже все обошлось мирно?

– Да, почти все Курилы взяли без крови. Во время Курильской десантной операции сражения шли только за остров Шумшу. Вот там да, было месиво... А тут так, зашла пара наших корабликов, и японцы сразу лапки кверху... На

Шумшу у меня тогда дед погиб...

Луха замолчал. Наверное, вспоминал деда.

– Ты знаешь, как это было? – решила спросить я.

– Знаю. Его боевой товарищ написал потом моей бабушке...

Луха вдруг резко встал.

– Пора выходить. Что-то мы тут засиделись. До темноты нужно еще успеть дойти до места ночевки.

Встреча с Тайной

После недолгих сборов наш маленький отряд двинулся в дальнейший путь. Было примерно три часа пополудни. Неутомимый морской ветер за время привала полностью справился наконец со всеми тучами, и над нами в безоблачном небе сверкало солнце. Идти в такую погоду – одно удовольствие. За спиной такого проводника, как Луха, можно было не думать о маршруте, поэтому я расслабилась и всю глазела по сторонам. Когда еще такую красоту увидишь! Хотелось навсегда удержать в своей памяти потрясающий воображение ландшафт, который раскрывался перед нашими взорами. Если бы я умела хорошо рисовать, я бы здесь поселилась. Честное слово!

Мы все время шли вдоль берега. Над водой с криками носились чайки, обильно гнездившиеся где-то здесь же на этих сказочных скалах. Счастливики! Уже к концу дня мы собирались обогнуть большой скалистый холм, который лежал у нас на пути. Неожиданно Луха остановился и предложил альтернативный маршрут:

– Можно попробовать пройти вдоль берега, чтобы сократить путь. Правда, есть одно сложное место, – тут Луха с сомнением покосился на нас с Викой. – Нужно будет метров десять проползти по отвесной стене над водой. Но глубина там совсем небольшая, так что при всем желании не

утонешь, если вдруг сорвешься...

– Анют, что ты на это скажешь? – спросила Вика.

– По-моему, – предположила я, – они просто хотят от нас с тобой тихо избавиться. Изя же сказал, что мы с тобой самое слабое звено. Да и сахара ему с нами может не хватить...

– Ну ты скажешь тоже! – засмеялась Вика и подвела черту: – Мы с Анютой согласны.

– Отлично! Сэкономим кучу времени, – с удовлетворением сказал Луха и повел нас вдоль самого края берега.

Какое-то время дорога была более-менее сносной, но скоро нам уже пришлось карабкаться по склону сопки, чтобы не промочить ноги. К счастью, склон оказался не слишком крутым и к тому же обросшим кустарником и карликовыми березами, за которые можно было надежно удерживаться. На середине пути мы подошли к месту, где холм переходил в скалу, вертикально уходящую в воду. Препятствие тем не менее не показалось мне непреодолимым даже для Вики. С того ракурса, где мы находились, трудно было рассмотреть, что находится внизу из-за высокого густого кустарника на склоне и скального выступа. Но глубина здесь, если верить Лухе, была небольшой, а на самой скале хватало выступов и неровностей, достаточно удобных для того, чтобы за них цепляться. Короче, лично для меня пройти здесь было не сложнее, чем по вертикальной стене скалодрома, который я одно время посещала. По обеим сторонам скалы берег возвышался очень круто, поэтому в воду лучше было не падать,

в противном случае пришлось бы долго выбирать. А будь здесь большая глубина, сорвавшийся вниз человек рисковал очутиться в смертельно опасной для себя ловушке...

– Подождите меня здесь, сначала я пройду один, – сказал нам Луха, когда мы все собрались у опасного участка.

Он надел на себя Викин рюкзак и ловко, за считанные секунды прополз по скале, потом вернулся обратно и точно так же, несмотря на мое активное сопротивление, перетащил еще и мой рюкзак, чтобы мы с Викой могли пройти налегке. Затем Луха снова вернулся к нам, а на ту сторону отправился Илья. Он карабкался не спеша и очень осторожно, пробуя ногой на прочность каждый выступ, прежде чем сделать очередной шаг. Один раз его нога соскользнула вниз, но он надежно держался руками за выступы в скале и быстро нашел твердую опору для сорвавшейся ноги. Сразу же следом за Ильей начала карабкаться Вика. Я с восхищением и в то же время с большой тревогой наблюдала за ней. А Илья, тот так вообще стоял, стиснув зубы и сжав кулаки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Еще бы! Да, мне с моим многолетним опытом горных походов этот небольшой участок казался легко преодолимым препятствием. А каковым оно было для городской девушки, привыкшей к домашнему комфорту, лестницам, лифтам и прочим достижениям цивилизации... Я мысленно сняла перед Викторией свою несуществующую шляпу. Со стороны она держалась просто великолепно. Карабкалась по времени, конечно, раза в два дольше, чем

Илья, но руки и ноги у нее совершенно не дрожали.

Илья все это время, пока Вика карабкалась по стене, стоял неподвижно и не отрываясь напряженно смотрел на свою подругу, готовый в любой момент броситься ей на помощь. Когда она уже почти подползла к безопасному месту, он подал ей руку и помог преодолеть последний оставшийся метр. Встав на прочную землю, Вика обернулась и весело помахала мне ручкой.

Илья и Вика

– Хорошо хоть, мои родители не видят, что я тут вытворяю! – явно очень довольная собой крикнула она.

– Вика, я тобой горжусь! – закричала я ей в ответ и тоже начала карабкаться навстречу к моим друзьям.

Ползти по скале, как я и думала, оказалось для меня делом совсем не сложным. Я, правда, была самой низкорослой среди всех и не всегда могла рукой дотянуться до удобных расщелин, но опыт давал знать свое: мои кроссовки и пальцы рук без затруднений находили себе надежную опору. Где-то на середине пути я решила посмотреть вниз и на мгновение замерла от накатившей на меня волны инстинктивного страха – внизу зияла бездна! Дневной солнечный свет пронизывал толщу чистой морской воды на многие метры, но никакого дна я не видела. Если бы здесь, как утверждал Луха, глубина была небольшой, я бы отчетливо могла разглядеть внизу каждый камешек. «Вот это называется полный капец...» – только и могла подумать я. Если сейчас сорваться вниз, то в обуви и намокшей одежде выбраться без посторонней помощи по отвесным скалам будет практически невозможно. У меня мурашки пошли по спине, когда я представила, что случилось бы, если бы Вика вдруг сорвалась. Пловец она никакой. В одежде и кроссовках тем более. В этой ледяной воде спасти ее шансов было бы не так уж и много.

А вот спасатели могли потонуть заодно с ней легче легкого. Хорошо еще, что ни она, ни Илья не смотрели вниз. Но Луха-то должен был все прекрасно видеть и знать! Или все-таки не знал? Я просто не могла поверить, чтобы он мог сознательно подвергнуть нас такому смертельному риску. Когда мои ноги ступили на твердую почву, я первым делом громко поинтересовалась, что все это значит.

– Луха, ты что, нас действительно собирался тут утопить?

Мой голос дрожал от волнения. Я была страшно сердита. Луха смотрел на меня с другого конца скалы с искренним изумлением. Я увидела, что он ничего не понимает.

– Тут же внизу глубина немереная! А ты нам говорил, что при всем желании здесь не утонешь...

Не успела я договорить, как Луха рванул вперед. Он быстро переместился на середину скалы и замер, вглядываясь в непроницаемую для глаз темную воду.

– Здесь всегда от силы было полтора метра. Я даже и смотреть не стал... Ни хрена не понимаю... Этого просто не может быть...

Я посмотрела на стоявшего в одиночестве Изю. В первый раз я увидела его в полной растерянности. Весь предыдущий путь он хохорился перед Викторией и мной, изображая из себя бывалого первопроходца. И вот теперь, когда нужно было проявить все свои походные навыки на деле, он реально струсил. Но во мне не было и тени злорадства. Будь я на его месте, я и сама не горела бы желанием подвергать жизнь та-

кому смертельному риску.

– Найдите ровное место и ставьте лагерь, – крикнул нам Луха. – Тут недалеко есть ручей. Мы с Изей пойдем в обход. Где-то через час к вам подтянемся.

Луха явно не собирался рисковать жизнью и тонко организованной нервной системой нашего Изи, поэтому, несмотря на Изин яростный протест, повел его за собой по безопасному пути в обход сопки.

Илья, Вика и я двинулись дальше на поиски ручья и действительно вскоре его обнаружили. Найдя неподалеку ровное место, мы поставили две повывавшие виды брезентовые палатки. Потом собрали дрова, и я быстро развела костер. Первым делом я начала кипятить в большом котелке воду для чая и овсяных хлопьев. Пока вода грелась, Илья с Викторией забурились в нашу с ней палатку, чтобы наконец-то наедине вволю друг с другом наобниматься, а мне поручили следить за костром и окружающей обстановкой. Когда вода вскипела, я сняла котелок, бросила туда немного заварки и душистого зверобоя.

– Ребята, пошли пить чай, – позвала я.

Но Вика с Ильей наотрез отказались выползть наружу, сказав, что будут пить чай только после того, как придут Луха с Изей.

Чтобы не болтаться одной без дела, я побрела в направлении, откуда по моим расчетам должны были появиться ребята. Минут через пятнадцать я их наконец увидела. Они шли

сквозь невысокие заросли бамбучника и о чем-то жарко спорили между собой. Приблизившись к ним, я поняла, что они обсуждают, почему Луха так здорово ошибся насчет мелководья.

– Я еще могу допустить, что бывает необходимость возле пирсов и причалов углублять дно, – говорил Луха. – Но делать это возле скалы в несудоходном месте – бред.

– Может быть, ваши погранцы здесь что-то откапывают? – предположил Изя.

– У них сейчас нет даже топлива, чтобы выходить в море на боевое дежурство. Весь дизель и мазут гражданским отдают, чтобы свет и тепло были в поселке. Видел на 412-й сопке заброшенную военную базу? Даже на нее не было денег. Куда им еще что-то рыть...

– А если это ваши местные? Ты же рассказывал, что на дне возле берега можно найти целые россыпи агата. Может, тут какое-то месторождение втихушку разрабатывают?

– И на чем они, по-твоему, всю добычу вывозят? Дороги здесь нет, как ты мог сам заметить.

– Ну тогда на лодках, – не сдавался Изя.

– Ты видел у нас тут хоть одну лодку?

– Нет, – признался Изя. – Сам удивляюсь, ни одного катера, даже простой весельной лодки на глаза не попадалось.

– Вот то-то, – усмехнулся Луха. – В советское время местным запрещали иметь свои плавсредства, чтобы на Хоккайдо ни у кого не было соблазна свалить.

– Сурово у вас тут, однако, – присвистнул удивленно Изя. – Слушай, а если тут всегда так глубоко было. Мог же ты ошибиться? Сегодня ты даже не смотрел вниз, потому что был абсолютно уверен, что дно рядом. Теоретически ты мог просто забыть...

– Теоретически ты сейчас можешь в космос улететь, – спокойно ответил на это Луха, – а практически я тут с пацанами за десять лет каждую сопку облазил вдоль и поперек и каждую бухту как свои пять пальцев знаю. По слухам, на острове от японцев много чего интересного осталось: подземные склады и ангары с техникой, ГСМ, амуницией и, главное, оружием... Поверь, мы тут каждый пяточок не один раз обшарили и осмотрели.

– Ух ты! – у Изи при этих словах загорелись глаза. – Покажешь?

– Нет... Мы так и не нашли ничего... – замотал головой Луха.

– Так уж и ничего? – Изя пристально и недоверчиво посмотрел на него.

Я заметила, что Луха опустил глаза в землю. У меня тоже в этот момент закралось сильное подозрение, что он чего-то не договаривает. Я уже давно шла рядом с ними, но в разговор не вмешивалась.

– Ну, допустим, не нашли, – нехотя согласился Изя. – ГСМ и склады с амуницией – это я могу понять. А оружие-то вам зачем?

– Ты в курсе, что у нас в прошлом году опрос проводили насчет того, согласны ли местные на передачу нашего острова Японии?

– Что-то такое на заводе слышал, – припомнил Изя. – Вроде, говорят, все резко против были.

– Ага, были, пока зарплату платили и в магазине можно было хоть что-то купить. Наше родное государство нас давно на три буквы послало. Ничего не завозится. Цены на все бешеные. Зарплаты нищенские. Если бы тот референдум сейчас стали проводить, то большинство согласилось бы хоть черту остров отдать, лишь бы порядок навести... Давно уже ходят слухи, что Ельцин хочет все Курилы подарить японцам, чтобы не тратить деньги на их содержание. Им же там в Москве плевать на то, что мой дед, например, за эти острова свою жизнь отдал.

– Однозначно плевать, – согласился Изя.

– А вот мне нет, поэтому...

– Поэтому вы собираете оружие, – подвел итог Изя.

– Не собираем, а только ищем, – угрюмо уточнил Луха.

Мы уже пришли в лагерь, и я решила, что пора закруглять эту тему.

– Ребят, – сказала я, – чай давно заварился. Давайте уже, наконец, сядем и попьем чайку с сахаром, пока у Изи не начались поломки.

– Не поломки, а ломки. Коллега, надо быть точной в формулировках, – серьезно поправил меня Изя.

В палатке раздалось фырканье. Вика высунула свою голову с растрепанными волосами и радостно завопила:

– Ура, все вернулись!

Она выползла наружу, на ходу застегивая ширинку на штанах; следом тут же показалась взлохмаченная голова Ильи, который тоже стал выбираться из палатки.

Изя очень внимательно смотрел на своих друзей и укоризненно качал головой.

– Дочь, моя, надеюсь, ты не согрешила, – спросил он отеческим тоном.

– Ой, – заинтересовалась Вика. – Расскажите, святой отец, как это согрешить. Только, пожалуйста, поподробнее.

Я прыснула. Луха, кажется, тоже получал удовольствие от этой комедии. Лицо его, впрочем, оставалось совершенно невозмутимым.

– Согрешить – это значит совершить развратные действия, – назидательно начал просвещать ее Изя – с лицом противоположного пола, которое не связано с тобой священными брачными узами в синагоге. Кстати, хотите узнать, как делают аборт женщины в негритянских племенах Африки? – спросил он и, не дожидаясь ответа, начал нас просвещать. – Эти дикие люди используют для совершения этой операции первый закон Ньютона, хотя могу поклясться на Торе, что ничего о нем не слышали. Если женщина у них решает вдруг избавиться от последствий своего блуда, она залезает на ближайшую пальму и сигает с нее прямо в песок.

Ну, вы образованные люди и вам, конечно, не нужно объяснять, что потом происходит с ее плодом по законам инерции.

– Какой ужас! – возмутилась Вика. – Ты чему тут нас вообще учишь! И потом, мы через два дня уже вернемся назад в цивилизацию. Там уже давно без пальм неплохо обходятся. И, кстати, кому и зачем ты тут аборт собрался делать. А ну давай, признавайся!

– Э-э, бедная девочка, где ты будешь через два дня – еще бабка надвое сказала. То, что остров маленький – совсем ничего не значит. Моисей сорок лет умудрялся блуждать по пустыне, где в любую сторону максимум через сорок дневных переходов можно было упереться в какой-нибудь большой город. Луха уже говорил нам, нам, мол, тут глубина небольшая. А что оказалось на самом деле?

Это была чистая правда. Все посмотрели на Луху. Он поднялся на ноги и сказал:

– Оставьте мне кружку чая. Пойду нырну, пока не стало темнеть.

Потом он залез в свою палатку и через пару минут снова появился перед нами уже в одних купальных плавках, с махровым полотенцем на плече. Первый раз я увидела его без верхней одежды и, тайком ото всех жадно разглядывая его крепкую фигуру, почувствовала сильное смущение и... как бы это выразить... в общем, еще кое-что, в чем я из ложной стыдливости тогда не смела признаться даже себе самой.

– Минут через десять вернусь. Здесь холодное течение –

особо долго не поплаваешь, – сказал Луха и направился к скале. Ответственный Илья неохотно поднялся и пошел следом за ним.

Изя Рабинович

Изя хотел было последовать за ребятами, но потом вдруг передумал. Вместо этого он налил себе еще чай, достал из рюкзака свой личный запас сахара и столовой ложкой начал сыпать его в кружку. Вика вслух считала число порций:

– Одна-две-три-четыре-пять. – На пятой ложке счет закончился.

Потом она поинтересовалась:

– Изя, а почему ты пьешь чай не из консервной банки? Нас же с Анютой ты заставил оставить свои кружки дома...

– Я объяснял уже, – нехотя отозвался Изя. – Вес рюкзака каждого участника похода должен быть соразмерен его физическим кондициям. В отличие от вас с Аней, я – мужчина, поэтому могу нести дополнительный груз и не быть при этом тормозом.

– Если ты такой сильный мужчина, то почему бы тебе было не взять самому кружку Вики? – поинтересовалась я. Пить горячий чай из мгновенно раскаляющихся консервных банок, как сразу же выяснилось, в принципе невозможно, да и не вкусно совсем. В результате Илье теперь каждый раз приходилось с нами делиться.

– Действительно, Изя, почему? Мне тоже это очень интересно узнать! – поддержала меня Вика.

Изя задумался. Над его головой заметались спорадиче-

ские красные и зеленые всполохи, которые лучше всяких слов говорили мне, что он растерян и лихорадочно ищет в уме возможность выкрутиться. Странные существа эти мужчины. Думают наивно, что сохранят свой авторитет перед девушкой, если начнут юлить или прикидываться шлангом, вместо того чтобы честно и открыто признать свою ошибку. Многие, даже самые умные парни, почему-то никак не могут понять, что женщина готова простить мужчине очень многое, но только не ложь в отношениях. Для любой уважающей себя женщины мужчина, позволяющий себе говорить неправду, – это дырявая резиновая лодка, в которую, будучи в здравом уме, никогда не сядешь, чтобы переплыть реку...

Когда человек много врет, от него начинает исходить зловонный запах. К сожалению, я теперь это хорошо чувствую. Таков один из «подарков», полученных мною после того удара молнии на Араданском пике. А от нашего Изи все время смердило так, что я по возможности предпочитала держаться от него подальше. Я долго не могла понять, в чем тут дело, а когда наконец поняла, то меня это совсем не обрадовало.

Суровая правда жизни заключалась в том, что Изя был просто помешан на желании отбить Вику у Ильи. Я думаю, он постарался заделаться ее близким другом, втайне надеясь, что эта умопомрачительная девушка наконец-то протрет свои красивые близорукие глазки и вдруг со стеклянной ясностью обнаружит, насколько он, Изя, ей предан и как с ним всегда интересно и весело проводить время. А Илья... Ну

а что Илья? Думаю, в отношении своего лучшего друга Изя придерживался известного изречения, что «Боливару не вынести двоих» ...

Предательство друга – это наивысшая степень лжи, и оно всегда дурно пахнет. В моих глазах Изю несколько извиняло то обстоятельство, что сам он, кажется, не до конца еще осознавал, что дела обстоят именно таким образом. Иначе он ни при каких обстоятельствах не произнес бы однажды фразу, которая могла выдать его с головой.

– Дружба между мужчиной и женщиной – это ненадолго отложенный секс, – сказал он как-то Вике в пылу их очередного спора.

Мы тогда уже больше суток плыли сюда на корабле и от нечего делать вели жаркие диспуты на самые разные темы, в том числе – кто бы сомневался! – и о взаимоотношениях между полами. Я хорошо запомнила, что Вика с подобным утверждением была категорически не согласна:

– Изя, – сказала она, – к моему глубокому сожалению, мне слишком часто приходится убеждаться, что многие из моих хахалей помешаны исключительно на одном сексе. Тем не менее так обобщать – это явный перебор. Если уж на то пошло, давай говорить не про всех на свете, а про конкретных людей. Возьмем нас с тобой. Мы же с тобой друзья?

– Могла бы и не спрашивать! – обиделся Изя.

– Вот именно! – сказала Вика. – Я ни от кого не скрываю, что ты – мой самый близкий друг. По-дружески я очень те-

бя люблю, и при этом твоя личная жизнь меня совершенно не касается. Можешь охмурять кого хочешь – мне даже и в голову не придет ревновать. Да что там говорить, я только рада буду, если у тебя, наконец, своя девушка появится. Но если, допустим, я и наша общая приятельница, Маша Свиридова, одновременно позовем тебя в гости, и ты пойдешь не ко мне, а к Машке, – я тебе, гаду, за такое все глаза выцарапаю! Кстати, имей это в виду на будущее. Поэтому я считаю, что наша с тобой дружба – та же самая любовь со всеми ее причиндалами вроде ревности, но только без секса. Да, дружба между мужчиной и женщиной – это любовь без секса! – еще раз резюмировала Вика.

Изя и Вика

Я слушала тогда с огромным интересом, как они так между собой перепируются и, конечно, не вмешивалась. У меня не было еще своей точки зрения на сей счет, поскольку напрочь отсутствовал необходимый жизненный опыт. Я же раньше никогда не дружила с мальчиками. Только благодаря Вике у меня появились первые хорошие друзья среди парней – Илья с Изей. Мне они страшно нравились как личности, но при этом ни малейшего сексуального желания к ним я не испытывала.

«Вероятно, у меня тоже когда-нибудь появится самый близкий друг, – думала я, – и, возможно, со временем я начну испытывать к нему сильное половое влечение. Но ведь тогда это уже будет не дружба, а любовь... Или как?». При чем я полностью допускала, что у парней и девушек на сей счет могут быть диаметрально противоположные взгляды. Помню, я тогда еще подумала, что было бы очень интересно каким-либо чудесным образом оказаться в мужской шкуре, чтобы рассмотреть вопрос максимально объективно со всех точек зрения.

Я крайне трепетно отношусь к своему личному пространству и никому не позволяю бесцеремонно в него вторгаться. Ведь я просто не смогла бы существовать как самостоятельная, свободная и уважающая себя личность, если бы не

сохраняла в неприкосновенности определенную дистанцию вокруг себя. Именно поэтому я отношусь с полным уважением и к чужим границам, никогда сознательно их не переступая. Отношения Изи и Вики – это, в конце концов, их личное дело. Сами как-нибудь между собой разберутся. Не маленькие уже! Но ко всему прочему Вика была еще и моей лучшей подругой, и я в то время никого с такой силой не любила, как ее. Никогда в жизни до того я не встречала более открытого и светлого человека, чем моя Вика. Ее душевное спокойствие было для меня в тысячу раз важнее, чем мое собственное. При всей своей эмоциональности и душевной чувствительности Вика обладала потрясающей и недостижимой для меня самой внутренней гармонией счастливого человека. Эманации счастья исходили от нее как лучи от солнца и прошибали всех, кто находился с ней рядом. Вика была из числа очень редких на земле людей, находиться рядом с которыми само по себе уже настоящий праздник. К ней осознанно и неосознанно тянулись все, чтобы зарядиться радостью и наполниться исходящими от нее теплом и светом.

Вика никогда не посвящала меня в секреты своих взаимоотношений с Ильей. И происходило это не в силу какой-то скрытности ее характера, а потому что никаких секретов там и в помине не существовало. Цветочно-конфетная стадия их отношений прошла еще до того, как я поступила в университет, и мы с Викой очутились в одной группе. Когда я сдружилась с Викторией, они с Ильей фактически были уже мужем

и женой и лишь в силу финансово-жилищных обстоятельств не могли пока жить вместе. Небо над ними было ясным, горизонт чист; что тут вообще можно обсуждать, скажите, пожалуйста. Не станет же физически здоровый человек делиться со всеми, как замечательно и ровно работает его сердце, как легко и свободно дышат его легкие и как качественно переваривает гвозди его луженый желудок.

Вика с Ильей сразу стали для моей одинокой души ничем не замутненным образцом идеальной пары, поэтому Изины тайные поползновения разрушить эту светлую идиллию казались мне чудовищным святотатством и коварным предательством. Он ведь, уже практически не стесняясь, сексуально ее домогался, а она, точно слепая, этого даже не замечала и, что было самым удивительным и непонятным, на откровенные Изины заигрывания никак не реагировал Илья... Наблюдая происходящее, я не знала, что и думать. Однако всего через несколько дней после нашего прибытия на Шикотан для меня все прояснилось.

Закончив как-то свою дневную смену на рыбном заводе, мы с Викой, как обычно, помылись в душе и не спеша пошли к своему барaku, распустив мокрые волосы, чтобы они успели за это время слегка подсохнуть. На Вике были черные колготки и, на мой чисто по-бабьи слегка ревнивый взгляд, совсем уж короткое летнее платьице темно-синего цвета, которое, впрочем, ей удивительно шло. Длинные Викины волосы красиво струились светлым водопадом по ее прямой

спине. В розоватых лучах заходящего солнца вся ее исполненная удивительной грации и женственности фигура казалась мне окруженной каким-то неземным сиянием...

– Вика, – сказала я, – ты нереально красивая. Настоящая Мадонна. Если бы я была мальчиком, я бы в тебя без ума влюбилась.

Вика засмеялась:

– Я не хочу, чтобы ты превратилась в еще одного моего хахалю, потому что тогда у меня останется только одна близкая подружка....

Я с любопытством и даже с некоторой обидой посмотрела на нее:

– Это еще кто такая?

– Не кто такая, а кто такой! – снова засмеялась Вика. – Неужели тебе непонятно, что я имела в виду Изю...

Я, признаться, совершенно оторопела от этих слов. Вот оно, значит, как получается: Вика относится к Изе, как к подружке, которую и в голову не придет приструнить, если она вдруг прямо при твоём парне крепко обнимет тебя за талию, или возьмет невзначай твою руку, или положит свою ладонь на твою голую коленку... Ясно, что Илья тоже воспринимает происходящее подобным образом. Изя пользовался таким легкомысленным с их стороны к себе отношением по полной программе. Мало того, он каждый день приходил к нам в барак делать Вике лечебный массаж. У нее действительно была в этом некоторая нужда, а Изя – надо же, какое удивительное

совпадение! – как нарочно закончил платные курсы массажиста и даже имел корочку. Собственно, с массажа у меня и начали открываться глаза. Тут и слепой бы прозрел. Для этой процедуры Вика в одном нижнем белье ложилась на живот, а Изя становился рядом и с видимым наслаждением начинал массировать ей спину. Лифчик он, разумеется, расстегивал, причем не спрашивая разрешения. Массаж спины плавно перетекал в массаж Викиных ног и ягодиц. Это было «совершенно необходимо», поскольку Изя обнаружил у Вики «сильную предрасположенность к раннему быстро прогрессирующему целлюлиту», а он как раз обучался еще и технике антицеллюлитного массажа и был, по его собственным словам, среди своей группы одним из лучших мастеров в этом неблагодарном, но благородном деле.

Делая массаж, Изя еще и непрерывно болтал так, что Вике тоже приходилось живо участвовать в беседе, и она теряла при этом последние остатки бдительности, которые могли бы заставить ее заподозрить, что дело тут может быть не совсем чисто. Лучший друг Изя вызывал у моей далеко не легкомысленной подруги полное и бескомпромиссное доверие, поэтому она спокойно позволяла себе при нем до конца расслабиться, не ожидая никакого гнусного подвоха.

Но то Вика, а я со своей колокольни видела все происходящее совершенно в другом свете. Чтение мыслей своих друзей, находилось у меня по-прежнему под строжайшим нравственным запретом. Но мне и не нужно было этим за-

ниматься, потому что я своим тайным зрением превосходно видела эмоции, темными вихрями отражавшиеся в судорожно колыхавшейся ауре Изи. Изино сексуальное возбуждение от созерцания Викиного почти полностью обнаженного тела и частых прикосновений к нему было настолько велико, что каким-то непостижимым образом я сама невольно начинала его чувствовать. В таких ситуациях я всегда находила какие-нибудь срочные дела и выходила из комнаты, поскольку совершенно не желала ощущать себя чуть ли не соучастником их интимной близости.

Не нужно было обладать большим пророческим даром, чтобы отлично понимать: рано или поздно тайное станет явным и это обернется катастрофой для всей нашей дружеской компании. Роковая красная черта с неотвратимостью айсберга, на который наткнулся весь такой из себя якобы непотопляемый «Титаник», неумолимо приближалась к Изе...

Я решила, что должна любым способом предотвратить неуклонно надвигающуюся бурю. Ведь, в конце-то концов, во всех остальных отношениях Изя был отличным парнем. Настоящим кладезем полезной информации, с которым к тому же никогда не соскучишься. Мне казалась, что в самый критический момент я могу появиться на сцене как этакий всемогущий древнегреческий «бог из машины» и разрулить ситуацию так, что все кругом будут счастливы и довольны. «Мир, дружба, жвачка», одним словом. Я была абсолютно уверена, что с Викой, а уж тем более с Ильей, говорить бес-

полезно, поскольку они мне просто не поверят, а если и поверят, то вряд ли захотят простить своего друга. Значит, оставалось ждать момента, когда я смогу поговорить по душам с Изей. Это был мой единственный и последний шанс спасти дружбу всех участников нашей чудесной компании, которая стала для меня в то время настоящей отдушиной.

После того как Луха с Ильей ушли и мы с Викой и Изей остались втроем сидеть возле костра, я решила, что наконец-то представился подходящий случай, когда я должна набраться мужества и поговорить с Изей начистоту. На самом деле, мне было очень страшно решиться на это. Изя на целых три года старше меня и перешел в то время уже на последний курс, тогда как я только лишь закончила первый. В его глазах я имела какую-то значимость исключительно лишь в качестве близкой подруги Вики. Я отдавала себе полнейший отчет в том, что ни моя внешность, ни моя эрудиция, ни мой возраст не давали мне по понятиям Изи ни малейшего морального права учить его жизни. И все-таки я верила, что найду необходимую зацепку, если сумею обратиться к железной логике этого парня и самым глубоким сердечным чувствам, которые непременно должны иметься у всякого искренне любящего человека. Уже не один десяток раз я мысленно проигрывала разговор с Изей, и мне наивно казалось, что мои аргументы и призывы к совести произведут на его поведение отрезвляющий эффект. Кроме того, я чувствовала незримую поддержку Эрис, чья грозная тень с каждым

днем все больше и больше превращалась в мою собственную...

Я встала и подошла к Изе, который присосался к своей кружке, чтобы дать себе паузу и придумать какую-нибудь мало-мальски правдоподобную чушь на наш с Викой вопрос. Я, впрочем, не сомневалась: вместо честного признания своего жалкого пижонства, он, как обычно, либо отшутится, либо начнет нас же и обвинять в том, что мы слишком привыкли к домашнему комфорту и не выжили бы и дня в суровых условиях джунглей, где днем с огнем не сыщешь ни косметичек с губной помадой и лаком для ногтей, ни влажных салфеток, ни самой обычной туалетной бумаги.

– Изя, можно с тобой поговорить с глазу на глаз?

– Можно Машку за ляжку и козу на лозу, а к старшим по званию в армии принято обращаться «разрешите обратиться», – проворчал Изя, неохотно поднимаясь со своего места. Но я видела, что он обрадовался возможности сменить тему.

– Вика, ты потом мне не выцарапаешь глаза, если я уединюсь с Аней для приватной беседы где-нибудь в ближайших кустах? – осведомился он перед уходом.

– Иди уж, раз позвали, – разрешила Вика.

Она выразительно посмотрела в мою сторону, явно не понимая, какие у меня могут быть от нее тайны, но спрашивать вслух ничего не стала. Я же от Изинового хамства разозлилась не на шутку. Разговаривать с этим козлом по душам больше не хотелось. Нет ничего более подлого и низкого, чем вот так

вот трусливо вымещать свою подавленную агрессию на тех, кто не будет давать тебе сдачу. Хотела бы я посмотреть на Вику, посмей этот латентный хахаль вдруг что-нибудь вякнуть ей насчет старших по званию и приватной беседы в кустах. Она бы точно сразу поставила его на место. Подонок! К сожалению, отступить было уже поздно.

Я взяла Изю под руку и повела его в сторону берега. Внутри меня все бурлило от гнева. Начинать серьезный разговор в таком состоянии было нельзя. Я знала только один радикальный способ быстро успокоиться: сделать дыхательную гимнастику. Поэтому я постаралась выбросить все мысли из головы и полностью сосредоточилась на дыхании.

Сначала глубокий продолжительный вдох через нос...

Я почувствовала, как мои легкие раздулись, до предела наполненные терпким ароматом соленой морской воды и взбитой волнами белоснежной пены; а еще рыбным запахом от оставшихся на берегу после отлива студенистых медуз и от пышных кустов ламинарий с длинными корнями, облепленными мелкими острыми камешками; в этом изысканном букете чувствовался также резкий запах птичьего помета, которым щедро были усеяны все прибрежные скалы.

Вдох окончен. Теперь небольшая пауза...

Моя голова слегка закружилась от перенасыщенной кислородом крови. На пару секунд я ощутила внезапную слабость в ногах и сильней оперлась на руку моего спутника, слегка к нему прижавшись.

Теперь не спеша полный выдох через нос...

Я втянула живот, чтобы выгнать последние остатки воздуха из легких. После нескольких циклов такого дыхания я окончательно успокоилась. Можно было начинать разговор с Изей, который, видимо, был немало удивлен моим продолжительным молчанием и глубокими вдохами. Почувствовав вдобавок, что я к нему плотнее прижалась, он, вероятно, решил, что я в него втюхалась и вызвала на разговор без свидетелей исключительно ради того, чтобы поверить свои нежные чувства.

– Аня, – сказал он мне, – мы что, так и будем всю дорогу молчать? Если у тебя есть ко мне какие-то вопросы, то давай задавай их все прямо сейчас. Если же ты хочешь поговорить о романтике, то лучше сразу пошли обратно. Извини, но как женщина ты меня не возбуждаешь... У тебя нет никаких шансов, бедная девочка...

«Придурок лагерный! Можно подумать, ты меня сильно возбуждаешь...» – мгновенно пронеслось в моей голове, а в груди начала вскипать новая волна гнева.

– Изя, ну ты и кретин! – вырвалось у меня. – Причем тут какая-то романтика! Мне просто надо с тобой обсудить твое поведение с Викой... Имею я право с тобой, своим другом, поговорить начистоту?

Изя выпустил мою руку и остановился. Я тоже остановилась и посмотрела прямо ему в глаза. На меня сверху вниз глядела равнодушная пара черных зрачков.

Я молча развернулась и медленно пошла к кромке берега, до которой оставалось не более тридцати шагов. Мысленно я дала Изе единственный шанс на то, чтобы сохранить нашу дружбу. Только бы он пошел следом... Лишь дойдя до самой воды, я обернулась. Изя, разумеется, предпочел вернуться к костру. Интересно, а чего еще можно было ожидать? Тогда я села на остывший уже песок и разревелась.

Итак, я могла подвести весьма прискорбный для себя итог: мой самый первый в жизни опыт по спасению заблудшей человеческой души потерпел позорное сокрушительное фиаско. Я никак не могла в это до конца поверить. Почему, почему он не захотел меня выслушать? Разве это так сложно было сделать ради человека, с которым ты согласился делить общие радости и тягости совместного путешествия? А ведь я уже привыкла считать его своим другом... Неужели я так в нем ошиблась... Ну что ему стоило просто немного постоять рядом и дать высказать все то, что так наболело в душе... Но он не захотел... Хотя ведь не мог не понимать, что для меня это очень важно... Значит, для него я вообще никто! Какая-то малозначительная букашка, которую даже не станешь обходить, если она вдруг попадется тебе под ноги, а просто раздавишь, не глядя, своим тяжелым берцем и никогда потом о ней уже и не вспомнишь. Мне стало жутко от мысли, что тони я сейчас и моли его со слезами и криками о немедленной помощи – он в ответ лишь равнодушно посмотрит на то, как я беспомощно барахтаюсь, и пойдет в

другую сторону, не оборачиваясь, по своим каким-то более важным делам... Как же мне с ним после всего этого общаться? Как можно иметь дело с человеком, который только что смачно плюнул тебе даже не в лицо – а в самую душу...

Вдоволь наревевшись, я бездумно стала смотреть на морские волны, которые были такие же горькие и соленые, как мои слезы. Впрочем, ветер быстро осушил мои мокрые глаза.

– Успокойся, милая! – утешала между тем меня мудрая Эрис. – Неужели ты всерьез думала, что вот так просто можно подойти к человеку, надавить ему, словно на кнопку, на самую болезную мозоль и он тут же, точно по волшебству, превратится из колючего серого ежика в белого пушистого зайчика? Ты хоть раз в своей жизни такое чудо где-нибудь видела?

«Господи, как же ты, Эрис, права!» – думала я. Действительно, где и когда такое было, чтобы существовала всемогущая кнопка, решающая все наши насущные проблемы одним единственным нажатием на нее. Я вспомнила знаменитый вопрос гангстера Стампа в исполнении неподражаемого Владимира Басова из советского фильма «Приключения Электроника», который он по ходу всего действия много раз сам себе задавал, безуспешно пытаясь подчинить себе волю непокорного робота: «И все-таки, где же у него кнопка?».

«Если уж даже у робота нет такой кнопки, которая враз может его перепрограммировать, то глупо было бы надеяться, что она есть у этой скотины, Изи, – думала я, немного

приободрившись. – Ни у кого такой кнопки нет. Даже у меня... Тем более у меня!». Я ясно представила вдруг себе, что отвечу любому, пусть даже самому близкому человеку, если он вдруг решит подойти сейчас ко мне и сказать:

– Дорогая Аня, давай поговорим с тобой начистоту! Ты, по слухам, собралась истребить несколько миллиардов земных обитателей только потому, что они, по твоему мнению, «ходячие мертвецы». Ведь так, да? Ну и не дура ли ты набитая после этого? Выброси, пока не поздно, навсегда из головы эти безумные бредни и займись лучше чем-нибудь полезным. Например, научись готовить хоть что-то, кроме овсяной каши и макарон.

Да, я определенно не хотела бы оказаться на месте такого человека... И тут я услышала голос Вики:

– Ау, Анютка!!! Ты где? Илья с Лухой вернулись! Иди к нам!

Когда я подошла к палаткам, Луха уже успел переодеться в сухую одежду и сидел у костра с дымящейся кружкой чая. Илья подкинул в огонь большую охапку сухих дров. Костер сразу же радостно оживился, и в ярком свете взметнувшихся к небу языков пламени наступившие серые сумерки заметно почернели.

– Луха, не томи, рассказывай уже, что вы там нашли, – попросила я.

Луха оторвался от своей кружки, посмотрел на меня и сказал задумчиво:

– Понимаешь, Аня, там теперь все, как раньше. Дно на месте, глубина не больше полутора метров. Я даже нырять не стал.

– Не может быть! – воскликнула я. Перед моими глазами снова возникла бездонная толща кристально чистой воды, пронизанная на многие метры вниз солнечными лучами. – Ты же сам видел, что там глубина была немереная...

Луха на это только согласно кивнул головой:

– Видел...

– Луха и Аня, – радостно оживился Изя, – я вас поздравляю. Типичный случай массовой галлюцинации. Я читал книгу Бехтерева на эту тему. Не помню уже названия, но там приводится куча примеров широко известных коллективных глюков. Жаль, что только вы с Лухой смотрели вниз. Выборка получается слишком уж нерепрезентативная

– Я тоже видел, – подал свой голос Илья.

– Ты видел! И ничего мне не сказал! – воскликнула Вика. Она от возмущения даже вскочила на ноги.

– Да, я машинально посмотрел вниз, когда у меня нога соскользнула, – объяснил Илья. – Честно говоря, я сам очень сильно испугался, но решил, что правильной всего будет никому про это не говорить, чтобы не гнать волну...

– Во дела, – присвистнул Изя от удивления. – Пожалуй, я беру свои слова обратно. У Ильи глюков быть по определению не может.

Я была полностью солидарна с Изей. Скорее я бы пове-

рила, что от массовых галлюцинаций начнут страдать сразу все автоматы с газированной водой в моем родном новосибирском Академгородке, чем наш Илья. Как-то это совсем уж на него не похоже... И еще теперь мне стало понятным то страшное напряжение, с которым он смотрел, как по отвесной скале над самой бездной осторожно продвигается к нему его Вика, его бесценное сокровище, самое любимое существо на всем белом свете...

– Вы все как хотите, а я лично собираюсь спать, – сказал Изя.

Он придвинул к себе свой рюкзак и, подобно фокуснику, стал доставать оттуда и раскладывать перед собой на целлофановом пакете все те вещи, которые нам с Викторией сам же категорически запретил брать. Я не верила собственным глазам. Перед нами последовательно возникли: зубная щетка в футляре, полный тюбик зубной пасты, мыльница с целехоньким куском мыла, здоровенное махровое полотенце, в котором я бы могла укутаться с головой, небольшое складное зеркало, гнутые ножницы для ногтей, китайский налобный фонарик и, как венец всему, – свеженький, еще нераспечатанный рулон туалетной бумаги.

Мы с Викторией словно зачарованные смотрели на все это несметное богатство. У меня, кажется, даже челюсть отвисла. И тут Вика взорвалась.

– Изя, у тебя что, там целый склад? А телевизор ты случайно не прихватил? Давай уж тоже доставай, посмотрим пе-

редачу «Клуб кинопутешествий» с Сенкевичем или лучше «Следопыт» с Глебом Данильцевым. Пускай расскажут нам, без чего еще можно спокойно обойтись в джунглях. Ну ты, Изя, и гад! Нет, вы видели где-нибудь еще такое: мы с Анютой, значит, пальчиками должны зубы чистить и лопухами подтираться, а он как белый человек втихушку всем чем надо запасся. Пусть Изя вытряхнет свой рюкзак и покажет все, что у него там есть. И вообще я лично хочу посмотреть, как эта скотина вытирает задницу лопуховыми листиками. Давай, Изя, покажи нам мастер-класс!

Вика как разъяренная кошка бросилась на Изю и обеими руками вцепилась в его густую шевелюру. Ни разу в жизни еще не видела свою лучшую подругу такой злой. Устала она, наверное, сильно...

В отличие от Вики, которая заснула как убитая, едва ее голова коснулась импровизированной подушки из сложенного свитера, я долго не могла уснуть. Сначала я интересом прислушивалась к голосам, которые довольно долго доносились из соседней палатки. Парни обсуждали странную историю с морским дном, глубина которого непостижимым образом могла изменяться. Потом они умолкли, и до меня начал доноситься лишь шум прибоя. По укоренившейся во мне старой привычке я механически перебирала в памяти события минувшего дня: стая огромных черных ворон на свалке; утренний туман, окутавший непроницаемой завесой весь остров; «танковая сопка»; широкие бухты и узкие фи-

орды, окаймленные причудливыми скалами; полуразрушенный дот; отвесная стена над голубой бездной; неудавшийся разговор с Изей; наш маленький лагерь; затухающий вечерний костер... Казалось бы, я вспомнила все, что с нами произошло за день. И все же я чувствовала, что чего-то еще не хватает, самого важного для меня... Луха! Как я могла забыть... Какой счастливой и безмятежной я заснула еще накануне. А потом утром – эта широкая равнодушная спина... Он меня не любит... А я, я сама люблю его? Не знаю... Наверное, что-то есть... Не любовь, конечно, а вздор, детские игры... Но почему, почему тогда я думаю только о нем, даже когда и не думаю вовсе... Оказывается, и так бывает... Милый... Снова волна бескорыстной нежности и счастья накрыла меня с головой своим мягким пледом, под которым, если не открывать глаз, можно почувствовать тепло любимого человека... И я наконец тоже уснула.

Прыжок в бездну

На следующее утро мы поднялись около семи утра и оперативно позавтракали размоченными в кипятке овсяными хлопьями с изюмом. Во время чаепития Изя вдруг поднялся и сказал, что пойдет прогуляется до скалы и проверит, как сейчас обстоят дела с морским дном; что, мол, он потом никогда себе не простит, если не проведет там над собой небольшой психологический опыт.

– Что за опыт? – живо поинтересовалась Вика, которая вчера после небольшой, но эпической схватки отобрала у Изя рулон туалетной бумаги, мыльницу, пилочку для ногтей и, главное, складное зеркальце. Поэтому она была настроена к нему теперь вполне себе миролюбиво.

– Тебе, девочка моя, лучше этого не знать, – ответил Изя. – Но, так и быть, скажу. Я сделаю то же самое, что всегда делаю по субботам в синагоге.

– И что же ты там делаешь?

– Молюсь Богу, – совершенно серьезно ответил Изя.

– Изя! – всплеснула руками Вика. – Ну ты же образованный человек, самый начитанный среди нас. Ты и сам должен прекрасно понимать, что никакого Бога нет!

– Как говорит наш раввин, Бог существует или не существует, только если Сам этого захочет, вне зависимости от того, верим мы в Него или нет. Точно так же, как скорость

света от фар автомобиля не меняется от того факта, двигаешься ли ты на нем вперед, стоишь на месте или сдаешь задом. И потом, ты не хуже меня знаешь про «эффект наблюдателя» в квантовой физике...

– Ну, знаю... И что с того. Причем здесь вообще какие-то молитвы!

– А при том, что, когда ты правильно молишься, ты перестаешь быть обычным наблюдателем и у тебя есть маленький шанс, что мир станет выглядеть таким, какой он есть на самом деле, а не таким, каким ты хочешь или не хочешь его видеть...

Изя ушел. Я с восхищением провожала его взглядом. Все-таки иметь с ним дело – одно удовольствие. Никогда не знаешь, что он еще выкинет. Подобно весеннему ледоходу на реке, этот генератор абсурда крушит и дробит в мелкую пыль лед стереотипов о своей персоне, которую ты, казалось бы, уже досконально изучил. Ха! Как бы не так. Перед моим мысленным взором предстало душераздирающее зрелище: наш никогда не унывающий Изя в позе ортодоксального еврея у Стены Плача бормочет древние иудейские заклинания над океаном в надежде, что морок развеется и истинная скрытая суть вещей обнажится перед ним, как прекрасная невеста в первую брачную ночь перед своим настойчивым женихом.

Мы молча допивали свой чай. Говорить никому не хотелось. Было бесконечно обидно вот так вот просто взять и уй-

ти от того места, где ты столкнулся с необъяснимым. Но время уже прижимало, и особо расслаживаться было некогда. И тут мы увидели Изю. Он бежал к нам, возбужденно выкрикивая что-то прямо на ходу. Но из-за ветра, который дул в противоположную от нас сторону, мы ничего не могли толком разобрать. Так и не добежав до нас порядка сотни метров, он остановился отдышаться, и начал махать рукой, чтобы мы скорей шли к нему. И тут я наконец расслышала, что он нам кричит:

– Дна снова нет!

Не сговариваясь и побросав все, мы помчались в сторону скалы. Нас всех подгонял один и тот же страх, что мы можем не успеть... Давно я так не носилась. Я прибежала вслед за Лухой. Потом подоспели и Вика с Ильей. Только Изя возвращался шагом. Еще толком не восстановив дыхание, я проползла пару метров по отвесной стене и посмотрела вниз: водная гладь у подножья скалы снова казалась бездонной. Утреннее небо было покрыто серой непроницаемой дымкой, но даже и без яркого солнечного света прозрачная чистота воды позволяла разглядеть большую глубину. Слегка подавленная увиденным, я вернулась к моим друзьям.

– Я нырну, может быть, удастся что-то найти... – сказал Луха и стал раздеваться. За купальными плавками пришлось бы возвращаться в палатку, поэтому, не тратя драгоценное время, Луха вслед за штанами стянул с себя и трусы, чтобы можно было потом сразу переодеться во все сухое.

– Предупреждать же надо! – возмущено закричала Вика, и мы с ней как по команде резко встали спиной к оставшемуся в чем мать родила Лухе.

На извинения он тратить время тоже не стал: почти сразу я услышала за своей спиной громкий всплеск. Мы с Викой тут же развернулись обратно. Я снова проползла немного вперед по скале и посмотрела вниз: Лухин силуэт хорошо различался в толще воды. Он нырнул метра на три, не меньше. Но вдруг Луха резко исчез из виду. Странно, неужели он уже так глубоко? Мне стало за него страшно. А если уж быть до конца честной, то еще страшнее мне было за себя саму. Ни за что на свете я не хотела его терять... От томительного ожидания все пространство вокруг меня, казалось, сгустилось, и время, до предела сжатое его страшными тисками, с трудом сочилось сквозь узкую щель по маленькой капле, как вода из древней клепсидры: кап... кап... кап...

Потом Луха снова появился так же неожиданно, как исчез. Я увидела, как он быстро поднимался на поверхность. Когда его голова показалась над водой, наши парни протянули ему руки, чтобы помочь выбраться на берег. Мы же с Викой, естественно, опять развернулись к Лухе спиной.

– Там, похоже, какой-то туннель, – сообщил Луха. – А может быть, и пещера. Я не смог в темноте толком разглядеть.

Голос его слегка сбивался, т. к. он активно двигался, чтобы согреться после купания в ледяной воде.

– Стены совершенно ровные, как из бетона. Очень похо-

же на какой-то искусственный объект. Возможно, от японцев остался... Сейчас отдышусь и еще раз нырну.

– Ты хочешь проплыть дальше по туннелю? – спросил Изя.

– Да, постараюсь немного проплыть вперед. Рисковать не буду. Если через минуту не вернусь, значит, там действительно что-то есть... Идите к палаткам. Если же меня и после обеда не будет, возвращайтесь обратно той же дорогой. На военной базе есть аквалангисты...

Потом снова раздался всплеск. Меня охватила паника. Ждать целых полдня в полной неизвестности и тревоге... Это было для меня невыносимо!

– Думаю, ждать надо до следующего утра, – подал голос Изя. – Если во Вселенной ничего за это время не поменялось, то вскоре после обеда здесь снова будет мелко, как и вчера...

От его слов меня передернуло. С трудом соображая, что делаю, я начала быстро раздеваться.

– Ребята, отвернитесь, я тоже нырну, – сказала я, снимая с себя по примеру Лухи все, что на мне было.

Парни отвернулись, а совершенно оторопевшая от моих слов Вика потеряла дар речи и только молча смотрела на меня расширенными от ужаса глазами. А потом я нырнула.

– Анюта, стой!!! – услышала я истошный крик Вики, когда моя голова уже коснулась воды. Но, само собой, остановиться я уже не могла, хотя дорого бы дала за это в те мгновения,

потому что в воде всю меня сразу же охватил ледяной, пронизывающий до самых костей могильный холод.

Луха не зря говорил про холодное течение. Думаю, температура воды здесь была не многим выше десяти градусов. Я же страшная мерзлячка, даже в бассейне не могу долго плавать и через каждые двадцать минут иду греться под душ. В любой другой ситуации я бы сломя голову устремилась обратно из ледяной воды на теплую сушу, но где-то там, совершенно один в темной неизведанной глубине, был мой любимый...

Туннель я увидела почти сразу. Огромный темный портал входа находился прямо напротив меня. Зрелище оказалось настолько неожиданным, что на какие-то мгновения я даже забыла про холод. Потом я ощутила, что меня неумолимо затягивает внутрь. Это было неудивительно: утром происходил ежедневный шестичасовой прилив. Я поддалась течению и заплыла внутрь туннеля, решив, что досчитаю до тридцати, а потом немедленно поверну обратно. Умирать раньше времени я не собиралась. Вскоре я очутилась в крошечной темноте. Было нечего и думать пытаться разглядеть здесь Луху. Он вполне мог уже проплыть в обратную сторону, не заметив меня. Поэтому я закрыла глаза и постаралась сосредоточиться на счете. Боже, как же здесь было холодно...

Когда-то очень давно из биографии Павла Бажова мне глубоко в память врезался один эпизод. В Гражданскую он воевал на стороне красных и вместе со всей 3-й Красной ар-

мией попал в страшное окружение под Пермью. Вырываясь из него, он угодил в плен. Белогвардейцы не убили его сразу, потому что он был переодет в гражданскую одежду. Разбирательства отложили до утра, и его заперли на ночь в каком-то сарае. Бажову удалось обмануть свою стражу и бежать. Тогда была лютая снежная зима. К своим он пробирался по железнодорожным путям. А вдоль железной дороги по обеим ее сторонам в различных позах стояли его застывшие товарищи по оружию: колчаковцы для развлечения обливали пленных красноармейцев на морозе водой до тех пор, пока они не превращались в ледяные статуи...

Я машинально вспомнила эту жуткую историю, потому что почувствовала, что еще немного, и я сама превращусь в точно такую же ледяную глыбу, которую будет нести по течению неизвестно куда. Голова моя начала раскалываться от колющей боли в висках. Я уже почти ничего не соображала и лишь чисто механически гребла вперед, считая про себя: двадцать один, двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять...

На счет «тридцать» я лениво подумала, что срочно пора поворачивать обратно, но тело меня уже почти не слушалось. Развернуться и пытаться плыть в обратную сторону против течения, да еще и почти полностью обессиленной... Инстинкт самосохранения вопил, что этого делать нельзя ни в коем случае. И я с ним охотно согласилась. «Будь что будет, но обратно не поверну», – окончательно решила я и про-

должила вяло грести руками, продвигаясь вперед. Вести счет смысла уже никакого не было, но я продолжала отсчитывать время. Это хоть как-то отвлекало от ужаса происходящего. Я не позволяла себе даже допустить мысли о том, что попала в смертельную западню, потому что если б меня охватила паника – тогда точно все...

Пятьдесят один, пятьдесят два, пятьдесят три... Голова гудела как колокол, окоченевшие руки уже почти не слушались и, самое главное, мой запас дыхания окончательно иссяк. Я стала понемногу всплывать. От недостатка кислорода сознание было как в тумане; из последних сил я сдерживала рефлекторную попытку организма сделать желанный вдох прямо в воде. Внезапно дикая судорога свела мою ногу. «Вот теперь мне конец...» – пронеслось в голове. Нечеловеческим усилием воли я заставила себя ускорить всплытие – если сейчас упрусь головой в потолок туннеля, то продолжать тратить силы в борьбе за жизнь уже нет никакого смысла. Однако через пару секунд я почувствовала, что моя голова находится на поверхности. Во мне мелькнул слабенький лучик последней надежды на спасение. Я открыла глаза, но в крошечной темноте по-прежнему ничего нельзя было рассмотреть; сделала жадный вдох, потом еще и еще. Немного отдышавшись, я снова почувствовала смертельную слабость. Мое тело уже настолько окоченело, что холод перестал меня мучить; хотелось только закрыть глаза и погрузиться в бесконечный сон...

– Луха... – я попыталась крикнуть, однако у меня изо рта вырвался лишь слабый хрип. Но и он здесь, в первозданной тишине подземелья, прогремел как гром.

– Аня, ты? Давай мне руку! – услышала я прямо над собой голос Лухи.

Я высунула одну руку из воды и почти сразу почувствовала, что она оказалась в огромной Лухиной ладони. Он тут же вытянул меня наверх, и я беспомощно распласталась на ровном и твердом полу.

– Быстро вставай и двигайся! – теребил меня Луха, но я его почти не слышала и толком не понимала, чего он от меня еще хочет; лишь звуки любимого голоса наполняли меня невыразимой нежностью. Как это один раз со мной уже было, я начала проваливаться в темный туннель, в конце которого были желанное освобождение и бесконечный Свет...

На сей раз очнулась я оттого, что очень больно и до крови прикусила себе язык зубами, издающими непрерывную барабанную дробь:

– Ды-ды-ды-ды-ды-ды...

Я поняла, что уже стою на Лухиных ступнях и его горячие руки активно растирают мне спину, плечи, ягодицы. От этих энергичных движений у меня по всему телу разливался приятный жар. «Господи, я же совсем голая...» – пронеслось в моей голове. Кровь ударила мне в голову. Щеки мои в тот момент наверняка были украшены ярким пунцовым румянцем. Но кто это разглядит в такой-то темноте. Да и не было

там никого, кроме нас двоих.

Луха плотно прижимал меня к себе, стараясь хоть как-то согреть. Я ощутила, как соски мои коснулись его груди. Из всех своих сил я обхватила Луху ослабшими руками и прижалась к нему щекой. Сердце мое бешено колотилось. На меня накатила волна сладчайшей истомы. Руки непроизвольно начали гладить тело моего спасителя. Я привстала на цыпочки и мои губы коснулись Лухиных губ. Это был мой самый первый, самый сладкий и самый долгий поцелуй в жизни. Я уже вся пылала огнем. Луха, конечно же, это почувствовал, потому что его руки уже перестали энергично растирать мое тело; теперь они бережно и нежно гладили мои волосы, бедра, грудь... Мое возбуждение постепенно передалось и Лухе. Точно невесомую пушинку он взял меня на руки, и его губы страстно стали блуждать по всему моему телу. А потом, когда наше возбуждение дошло до своей высшей точки, мы соединились с ним, слившись в одном неописуемо прекрасном экстазе...

– Любимый... – прошептала я, когда все кончилось.

– Анечка, сокровище мое... – услышала я его ответные слова, которые наполнили меня счастьем.

Мы взялись за руки и осторожно, чтобы не свалиться в воду и не удариться лбом о стены, пошли обследовать помещение, в котором находились. Луха шел вдоль стены, касаясь ее левой рукой.

– Похоже на коридор! – вдруг воскликнул он, когда стена

неожиданно кончилась, и его рука ушла в пустоту.

Мы вошли в этот новый проход, который показался нам несколько шире, и решили продолжить путь по нему в надежде, что он нас в конце концов куда-нибудь да выведет. Полная темнота начинала уже действовать на нервы нам обоим.

– Еще один коридор! – воскликнул Луха, когда его скользящая по стене рука снова провалилась в пустоту. – Что будем делать? Свернем или пока пойдем дальше прямо?

– Ты ничего в воздухе не чувствуешь? – спросила я, потому что мой нос неожиданно уловил едва ощутимый кислородно-острый запах.

– Нет, я ничего не чувствую... – отозвался Луха.

На какое-то мгновение он выпустил мою руку из своей, и мы тут же с ним потерялись. Это было похоже на какой-то чудовищный безумный сон. Я слышала его голос, делала шаг в сторону, откуда он раздавался и тут же упиралась в стену. С Лухой, по-видимому, происходило то же самое. Меня охватила паника; я заметалась в разные стороны и, кажется, сильно удалилась от любимого, потому что голос его стал заметно тише.

– Луха! – орала я изо всех сил.

– Аня! – доносился до меня едва слышный зов Лухи.

А потом настал момент, когда вокруг наступила жуткая тишина. Кромешная тьма, страшное подземелье и потеря Лухи сводили меня с ума. А еще этот отвратительный за-

пах... Он резко усиливался и становился просто невыносимым. Дышать было все труднее и труднее. Я уже не могла дальше идти и остановилась, потом опустилась на землю – сначала на корточки, затем еще какое-то время мне удавалось держаться, стоя на четвереньках. Я задыхалась, судорожно хватая носом и ртом отравленный воздух. Все тщетно – он был уже абсолютно непригоден для дыхания. Я завалилась на бок и мое тело конвульсивно задергалось в смертельной агонии. Второй раз за день я по-настоящему умирала.

Наконец агония отпустила меня. По всему телу разлились необычная легкость и свежесть. Я не знала толком, жива я или мертва, сплю или бодрствую. От всего этого на душе было тревожно, но, главное, чудовищный запах меня уже почти не беспокоил. И еще я теперь могла видеть в полной темноте! Сама не осознавая, что делаю, я неожиданно легко вскочила на ноги и побежала. Без какой-либо определенной цели. Просто я физически уже не могла долго находиться на одном месте.

Я бежала и бежала вперед по нескончаемым подземным коридорам, ни о чем не думая и в то же время прислушиваясь к своим ощущениям. Мое тело стало стройным, а вместо привычной копны я теперь обладала длинными волосами, сложенными в необычную прическу, в которой был спрятан какой-то предмет. Не прекращая своего бега, я нащупала его в глубине прически, потянула – и вытащила длинный стилет из прочного легкого металла с рукояткой из белой слоновьей

кости. Не знаю почему, но меня обрадовала эта находка. Я воткнула свое оружие обратно на место и, не прекращая бега, продолжила себя изучать. На мое обнаженное тело была накинута тончайшая легкая сетка. Я попробовала ее на прочность и вскрикнула от боли – острая нить впилась глубоко в плоть до самых костяшек, едва не срезав фаланги на пальцах... Резкая боль меня успокоила: теперь я точно знала, что не мертва. Впрочем, я тут же забыла о всех своих ранах: прорвав тонкую завесу разума, на меня всей своей мощью обрушился древний океан бессознательного...

Не знаю, как долго я бежала. Может быть, прошла целая вечность, а может, пролетел только миг. В этом замкнутом пространстве время не имело никакого значения. Вдоль стен коридоров виднелось большое количество дверей. Все они были плотно закрыты, но я отлично знала, что скрывается за каждой из них. Там обитали мои старые страхи, обиды, запертые на крепкий замок тайные желания. Многие из этого меня больше никак не касалось и навсегда исчезало, как только я, пробегая мимо, прищелкивала большим и средним пальцами правой руки. И где я только научилась такому полезному фокусу?

Однако некоторые из этих фантомов прошлого оказывались весьма живучими, и мне приходилось ненадолго останавливаться, чтобы их уничтожить.

За очередной дверью я увидела гнусную тварь, долгие годы отравлявшую мою жизнь.... Ударом ноги я вышибла эту

дверь вместе с косяком и очутилась в большой комнате с играющими детишками. Среди них находилась одна зашуганная всеми пятилетняя девочка, которой я когда-то была. Самая низкорослая из всех, с повязкой на глазах, она шла, выставляв вперед свои ручонки. Я уже знала, что девочка ищет свою подружку, с которой они играли в прятки. Та решила над ней подшутить и заманила в угол, где играть детям было строго-настрого запрещено, потому что там стоял стол для воспитателей. Ничего не подозревающая девчушка шла прямо к этому столу, где на беду восседала в тот раз толстая как слон воспитательница, которую все дети страшно боялись из-за ее дурного характера. Девочка своими протянутыми ручками уперлась ей прямо в бок...

– Ах ты хулиганка! Я тебе сейчас покажу, как нарушать порядок. Ты у меня на всю жизнь это запомнишь! – заорала она девочке прямо в ухо.

Она сорвала с головы малышки повязку и стала трясти своим огромным, совсем не женским кулачищем перед ее испуганными глазками. Потом схватила за шкуру, как котенка, и потащила к шкафу.

– Будешь у меня сидеть тут до самого вечера! – сказала воспитательница, грубо проталкивая ее внутрь. Уходя, она приставила к двери тяжелую тумбочку, чтобы девочка самостоятельно не смогла выбраться наружу.

В этом шкафу раньше висела одежда, которую доставали только по праздникам: халаты для Деда Мороза и Снегуроч-

ки, костюмы Кощея, ведьмы, лисы и тому подобное. Для защиты от моли по всем карманам были напиханы таблетки с нафталином. Одежду недавно убрали куда-то в другое место, а пустой шкаф не успели еще заполнить. Но запах нафталина за это время не успел выветриться, а через плотно закрытые двери не проникало ни единого лучика света. В замкнутом пространстве было темно и страшно, а самым ужасным было то, что несчастной девочке почти нечем было дышать. Она пыталась колотить своими маленькими ручонками в запертые двери и звать на помощь, но никто не отзывался. А еще ее мучила сильная обида. Ведь она же была нисколько не виновата в том, что произошло! Воспитательница даже не сочла нужным поинтересоваться, почему она пошла в запрещенный для игр угол. Когда через несколько часов про нее наконец вспомнят и откроют шкаф, девочка уже давно будет лежать без сознания, едва живая...

Пережитый тогда кошмар наложил тяжелый отпечаток на всю мою дальнейшую жизнь. Страх умереть от удушья и панический ужас от пребывания в замкнутых пространствах преследовали меня постоянно, особенно во сне. Поэтому я всегда старалась избегать лифтов и, боже упаси, никогда не держала в своем доме нафталин. И еще я всю жизнь мечтала отомстить своей обидчице. Я свято верила, что если утолю свою ненависть, то мои мучения сразу закончатся.

Громкий плач запертой в душной темноте девочки поразил меня в самой сердце. Мне понадобилось меньше секун-

ды, чтобы освободить ее из этого ужасного плена. Потом я схватила воспиталку за шиворот, затолкала в шкаф и заколотила двери невесть откуда взявшимися гвоздями. Еще несколько сладостных секунд я слушала, как она барабанит изнутри и дико орет, требуя выпустить из этой душегубки. Подойдя к девочке, я ласково погладила ее по головке.

– Теперь ты отомщена, милая, – прошептала я ей в самое ушко и звонко прищелкнула двумя пальцами, чтобы эти беспокойные тени прошлого навсегда исчезли из моей жизни.

Еще одна дверь. Я застыла перед ней в сомнении: может быть, уже слишком поздно... Но потом рассердилась на себя за нерешительность и дернула ручку с такой силой, что вырвала ее вместе с шурупами. Войдя внутрь, я сразу очутилась в сказочном зимнем лесу. Это был огромный сосновый бор, совсем не далеко от нашего дома на улице Терешковой в Академгородке. Приглядевшись, я увидела среди деревьев девятилетнюю девочку в длинном не по росту сером пальтишке, которая радостно бежала по узкой заснеженной тропинке. За ней едва поспевал пожилой мужчина. Бог мой! Это же дядя Миша, старший брат моей матери. Своей семьи у него никогда не было, поэтому всю свою любовь и заботу он отдавал мне. Благодаря ему я не так остро ощущала отсутствие отца. На дворе сейчас утро первого января. Каждый год в этот день дядя Миша водил меня к заветной тайной полянке, где в минувшую новогоднюю ночь находилась резиденция самого Деда Мороза. Во что я свято верила, по-

скольку вытоптанная на глубоком снегу полянка выглядела поистине сказочно. Между деревьями висели разноцветные бумажные гирлянды, а на стволах были наклеены забавные снежные зверюшки – главным образом, зайчики. Обязательным атрибутом являлся небольшой снежный шатер, внутри которого стояла свеча – мы всегда зажигали ее, когда приходили к этому месту. Каждый раз тут оказывалось что-то новенькое: какие-нибудь забавного вида снеговики или фигуры Деда Мороза со Снегурочкой, красиво раскрашенные акварельной краской. И конечно же, где-то обязательно был спрятан для меня долгожданный подарок. Когда мне было еще только четыре года, дядя Миша впервые предложил написать письмо Деду Морозу, и это превратилось в нашу ежегодную традицию. На моих глазах он запечатывал конверт и говорил, что отнесет его на специальную почту, откуда письмо на оленях будет доставлено адресату. В каждый Новый год заказанный Дедушке Морозу подарок обязательно ждал меня на этой полянке, укрытый в небольшом сугробе или под ближайшей елкой. С каким воодушевлением я его всегда искала!

Позднее, когда я стала чуть постарше и пошла в школу, некоторые мои одноклассники с пеной у рта пытались доказать мне, что никакого Деда Мороза не существует. Мол, это легко проверить, если умудриться не спать всю новогоднюю ночь и сидеть под елкой, чтобы хитрые родители втихушку не положили туда подарки. Но моя вера в него была неруши-

мой. И каждую новогоднюю ночь сердце сладко замирало в предвкушении настоящего Чуда.

С болью в душе я продолжала смотреть, как девчушка с радостными криками бежит по полянке, рассматривая сказочных снежных персонажей: я отлично знала, что последует дальше. Дядя Миша склонился у входа в снежный шатер и чиркал спичкой, чтобы зажечь свечу. В этот же самый момент девчушка подбежала к снежной бабе, на шее которой красовался старый, повидавший виды шарф. Малышка его сразу же узнала. Незадолго до Нового года ее мама собрала кучу тряпья на выброс. Девочка долго там рылась в надежде отыскать какие-нибудь подходящие лоскутки для своих кукол. Этот самый шарф она некоторое время держала в руках, размышляя, куда бы его можно было с пользой пристроить. Но так и не придумала, и дядя Миша унес его вместе с остальным тряпьем на мусорку. О том, что Дед Мороз подбирает одежду для своей свиты на мусорной свалке, можно было даже не думать. Оставался единственный верный вывод: вся эта волшебная полянка, все эти елочные игрушки, подарки, разноцветные гирлянды – вовсе не сказочная резиденция Деда Мороза, а не что иное, как проделки коварного дяди Миши, который все эти годы подло водил ее за нос. И что самое ужасное и трагичное – все эти глупые дети, ее одноклассники, совершенно правы: никакого Деда Мороза на самом деле НЕ СУЩЕСТВУЕТ! Девчушка заревела, подбежала к дяде Мише, со слезами на глазах стала бить его

кулачками и обвинять в том, что он обманщик. А дядя Миша еще больше ссутулился, загрустил и растерянно стоял, не зная, какие слова можно подобрать, чтобы утешить бедного ребенка, у которого навсегда украли самую лучшую и любимую волшебную сказку...

«Ну что, Эрис, – сказала я себе. – Пора выручать доброго дядю Мишу и спасти бедную девочку от свалившегося на нее нового знания. Давай же, не трусь. Теперь твой выход».

Я появилась перед ней в сверкающем алмазами белом платье, в роскошном голубом кокошнике и с какими-то дурацкими крыльями за спиной – потому что именно так эта девчушка представляла себе настоящую фею из сказки. Она перестала плакать и широко раскрытыми глазами, полными восторга, уставилась на меня.

– Тетенька, ты кто, фея? – прошептала она.

– Да, я самая настоящая фея. И я прилетела сказать тебе, что Деда Морозы на самом деле существуют, а если в них всерьез не верить, то и жить незачем. Когда-нибудь ты вырастешь, станешь большой и поймешь, что чудес на земле гораздо больше, чем ты даже можешь себе вообразить, и главное на земле чудо – человеческая доброта и забота о ближних. А твой дядя Миша и есть самый настоящий, добрый и волшебный Дед Мороз, просто не все это могут увидеть.

Убедившись, что девочка окончательно успокоилась и ее поколебавшаяся было вера в чудеса снова стала твердой, я подняла руку, щелкнула пальцами и с непередаваемым облегчением увидела, как рассыпается у меня на глазах и зимний лес, и девчушка, и добрый дядя Миша. Еще одна тяжелая гиря с души сброшена. Можно бежать дальше.

Следующая дверь. И снова мое сердце защемило. В отли-

чие от всех прочих, она была не заперта и даже чуть приоткрыта. Сквозь узкую щель веяло таким всепоглощающим отчаянием, что захотелось поскорей убраться отсюда, пока меня саму не накрыло с головой волной смертельной тоски... Но я наша в себе силы зайти внутрь. Я очутилась в маленьком коридоре скромно обставленной двухкомнатной хрущевки на четвертом этаже, где когда-то жила вдвоем с матерью. Как же все здесь мне было до боли знакомо. Вот вешалка, на которой уже давно нет половины крючков, старые грязные обои, допотопная мебель с облезшим лаком, цветной телевизор «Рубин» в проеме мебельной стенки. Редкий момент, когда он выключен. При матери он никогда не умолкал. Пройдя всю квартиру, я подошла к балкону. Там, забившись в угол, горько плакала девочка-подросток. Рядом стояла табуретка. С ее помощью она собиралась забраться на балконное ограждение, чтобы прыгнуть с него головой вниз...

Сегодня у нее был страшный день. Накануне она решила наконец открыть свое сердце мальчику, которого тайно любила. Рано утром перед уроками она написала для него письмо, полное благородных чувств и нежности. Тщательно думала над каждым словом, каждой фразой, стараясь как можно лучше передать глубину того, что испытывала. Но он оказался настоящим подонком. На перемене прочитал ее письмо вслух. Вокруг него столпились все их одноклассники. До сих пор у нее перед глазами те веселые лица и злорадный смех. Как ей теперь смотреть им всем в глаза... Жизнь

потеряла всякий смысл...

Что я могла ей сказать? Разве можно говорить человеку в такие моменты пустые общие фразы, что, мол, жизнь обязательно наладится, надо только немножко потерпеть, и тому подобную чушь. Когда кому-то страшно хреново, ему не нужно от нас ничего, кроме сочувствия. Поэтому я просто тихонько подошла, опустилась на пол рядом с девочкой, крепко обняла, прижала к себе и молча постаралась разделить с ней ее безысходное горе. И это подействовало! Выплакавшись в мой передник, девочка немного пришла в себя и страшные мысли о самоубийстве уже больше не крутили свою дьявольскую карусель в ее бедной головке.

– Ты все сделала правильно, моя дорогая. Не надо корить себя, – сказала я и процитировала бесконечно мудрые слова Рея Брэдбери: «Если бы мы слушались нашего разума, у нас бы никогда не было любовных отношений. У нас бы никогда не было дружбы. Мы бы никогда не пошли на это, потому что были бы циничны: «Что-то не то происходит», или: «Она меня бросит», или: «Я уже раз обжегся, а потому...». Глупость это. Так можно упустить всю жизнь. Каждый раз нужно прыгать со скалы в бездну и отращивать крылья по пути вниз».

Убедившись, что мои слова подействовали, я привычно щелкнула пальцами, и очередной фантом навсегда развеялся. Легкость, которую я после этого ощутила, подсказала мне, что больше никаких дверей на моем пути не будет, и я

почти свободна. Почти... Теперь осталось завершить всего одно дело...

Я снова без устали бежала по бесконечным коридорам подземного лабиринта, пока наконец не увидела ту, кем я была до того, как очутилась здесь. Она брела в полной темноте, напуганная и подавленная. Я расслышала, как она бормотала вслух:

– Луха, милый, пожалуйста, скорее найдись... Холодно... Только бы найти выход...

Я сделала так, чтобы она смогла меня увидеть, и ее глаза расширились от ужаса и восторга:

– Я тебя узнала! Ты – Эрис...

Я смотрела на нее сверху вниз. Бедная, потерявшая себя и все на свете девочка. Мне непроизвольно захотелось убежать от нее, бросить здесь одну вместе со слезами, которые я никогда не смогу осушить, и горем, которое не утолить до конца. Но я знала, что убежать не смогу, и она постоянно будет попадаться на моем пути к великой Цели, такая вот жалкая и беспомощная. И каждый раз я вынуждена буду останавливаться и тратить бесценное время на то, чтобы утирать эти слезы и сопли. Я обняла ее. Она прижалась к моей груди, доверчивая и беспомощная. «Мне придется убить тебя, милая», – мысленно сказала я, одной рукой утешительно глядя свою жертву по голове, а другой нащупывая у себя в волосах рукоятку стилета.

– Я люблю тебя, Эрис! – шептало мое альтер эго, пряча

заплаканное лицо у меня на груди.

– Доверься мне, родная, – ответила я и занесла свое оружие для смертельного удара.

Некоторое время я еще колебалась. Убивать это беззащитное существо у меня не было никакого желания. «Может быть, я все-таки смогла бы с ней поладить? – вертелось в моей голове. – У каждого ведь в душе есть свой внутренний ребенок... Станет мне вместо дочки... Будем иногда гулять с ней вместе под ручку по Морскому проспекту. Я буду угощать ее мороженым и шоколадками, а она с восхищением на меня пялиться и говорить, как ей хорошо и спокойно под моей защитой... А я буду надувать щеки, выпячивать грудь колесом и подтверждать: да, мол, со мной не пропадешь...»

А в это время армия ходячих мертвецов будет расти как на дрожжах и захватывать все новые и новые территории, и не останется на земле больше людей, а будет лишь одна бесконечная орава бездушных тварей, растлевающих невинные души детей и живущих под убогими лозунгами «Получи от жизни все!» и «После нас хоть потоп». Ну уж нет! Пока я в силах сражаться, этому никогда не бывать!

Я сделала короткий замах и, больше не давая себе времени на жалостливые сомнения, резким, отточенным за долгие годы служения в качестве жрицы в храме Кибелы движением вонзила лезвие в маленькую точку под левой лопаткой прямо напротив сердца...

Моя жертва умерла мгновенно. Даже счастливая улыбка

не успела слететь с ее губ. Так и не разжав объятий, она медленно сползла на землю, оставив за собой на моей груди кровавый след. Почти произвольно я снова щелкнула большим и средним пальцами правой руки – и бездыханное тело моего двойника испарилось, как будто бы его никогда и не было. И тогда я засмеялась. Звуковая волна оглушительного хохота пронеслась по всем коридорам и закоулкам подземелья и вернулась ко мне, усиливая новую волну. Это было торжество победителя, которому больше не страшны любые препятствия на его пути, потому что он победил своего наиболее сильного и опасного врага – самого себя. То, что этим врагом оказался мой внутренний ребенок, меня в тот момент нисколько не волновало.

Эрис убивает своего внутреннего ребенка, дабы не путался под ногами на пути к великой Цели

Наконец я перестала смеяться. Пора было отсюда выбираться. Я равнодушно переступила то место, где только что лежал труп, и, никуда не торопясь, двинулась вперед, размышляя над сложившимся положением. Ко мне внезапно пришло ясное понимание, что на самом деле я сейчас сплю. Факт, что я осознаю себя во сне и способна при этом трезво размышлять, меня ничуть не удивил. Со мной такое многократно происходило и раньше. Как обычно, вместе с осознанием тут же пришел страх, что я могу в любой момент проснуться. Вновь превратиться в обычного человека из всемогущей жрицы? Ни за что на свете! Только бы подольше не просыпаться...

Теперь, когда я точно знала, что нахожусь во сне, найти выход из лабиринта коридоров было легче легкого. Первое, что мне пришло в голову – хорошенько разбежаться поперек прохода и сигануть головой вперед, чтобы одним махом прошибить все иллюзорные стены на моем пути. Рефлекторно я прижалась спиной к холодному бетону, желая по сильнее оттолкнуться, но не тут-то было – я тут же потеряла опору и едва удержалась на ногах. Мне стало смешно. Это ведь мир сновидений, куда какому-нибудь горе-Архимеду лучше никогда не соваться, чтобы не рехнуться в тщетных потугах

найти точку опоры, дабы повернуть Землю. И как я сразу не сообразила... Я закрыла глаза, мысленно внушая себе, что никаких непреодолимых стен для меня в действительности не существует.

Прыжок сквозь стены собственных иллюзий и запретов

На второй попытке я совершила короткий разбег, выбросила руки вперед, вытянулась в струну и в следующее мгновение уже свободно парила над безбрежными водами океана. Лишь у самой линии горизонта с трудом различалась маленькая темная точка – остров Шикотан.

Летавший во сне хоть раз никогда не сможет забыть этого удивительного ощущения. Будь я композитором, то написала бы целую симфонию, куда вплела бы тонкими нитями все свои переживания от полетов, потому что обычными человеческими словами это выразить невозможно. Я думаю, что высшие существа говорят между собой исключительно на языке музыки. Человеческая речь слишком примитивна, чтобы адекватно выразить душевные потрясения, а человеческий мозг слишком ограничен, чтобы осознать выходящее за узкие рамки его жизненного опыта. Рискни я кому-нибудь начать рассказывать о своем личном опыте полетов во сне – мои слова, подобно бильярдным шарам, покатятся, точно в лузу, в ушные раковины моего собеседника, и вместо изысканной небесной мелодии начнут выстукивать примитивную барабанную дробь по его ушным перепонкам, возбуждая нейроны головного мозга, которые от такого грубого воздействия начнут бешено возбуждаться и посылать хаотичные электрические сигналы всем своим бесчисленным

соседям:

– Нет, вы слышали, какую ахинею несет эта сумасшедшая? Летала она... Во сне... Как же-как же...

– Раз летала, значит, она самолет? А двигатель у нее где?

– Да нет же, она летала как птица!

– Ага, щаааззз! Хотите сказать, что и крылья у нее есть? Или она руками размахивала? Нет, я просто умру от смеха...

– Какие вы все, право, циники! Она же во сне летала, там ни крылья, ни двигатель не нужны.

– Еще пропеллер помогает...

– Ой, а шарики воздушные тоже хорошо летают, если их гелием накачать.

– Вы хотите сказать, коллега, что ее гелием накачали?

– Эй, зануды, заткнитесь! Она ЛЕТАЛА! И это же настоящее чудо, зачем все опошлять законами физики.

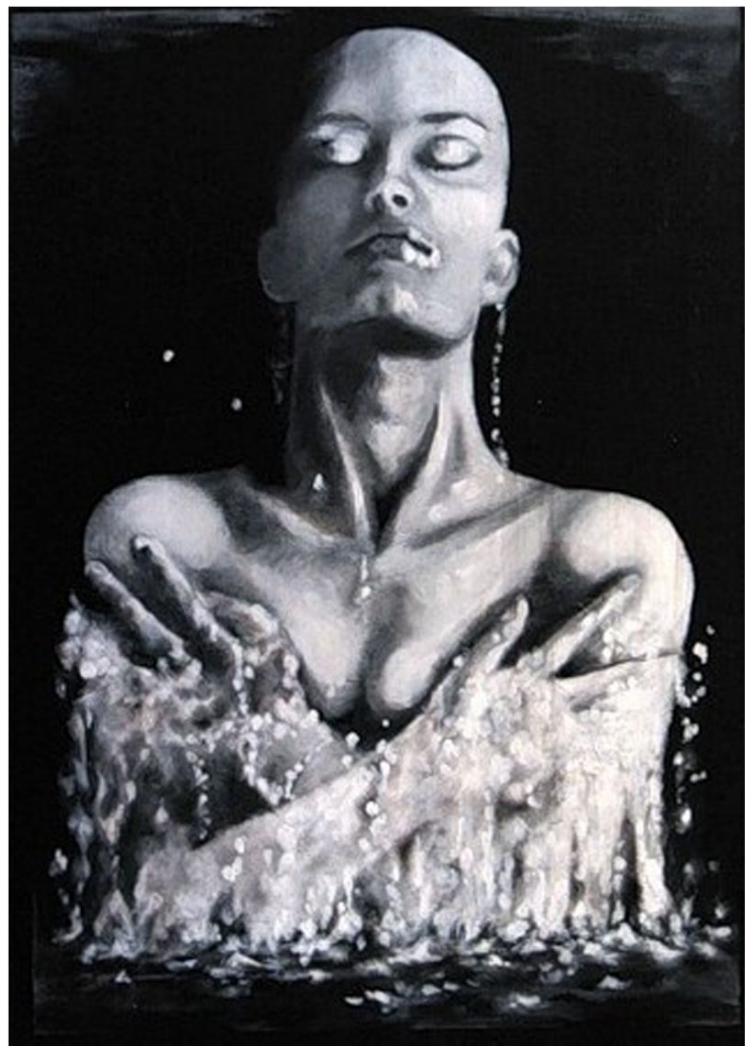
– Я один раз ночью во сне с кровати слетел...

– Эх, я тоже в детстве часто летал во сне, а сейчас уже все...

– Во сне – это же не по-настоящему...

Ах, если бы я была музыкантом... Я бы села за большой белый рояль, за которым играл сам Ференц Лист, или, еще лучше, взяла бы в руки «дьявольскую» скрипку Никколо Паганини, взмахнула смычком – и весь мир, все люди на земле смогли бы пережить то, что довелось испытать мне, когда во сне я свободно парила над водами могучего и прекрасного океана, то поднимаясь вместе с восходящими потоками вы-

ше облаков, то проносясь над самыми гребнями волн. Я бы передала, что чувствуют гигантские кашалоты, ныряющие в толщу неподвижных вод, куда никогда не проникают лучи солнца, но зато полно светящихся люминесцентными огнями глубоководных обитателей самых невообразимых форм и видов; все бы ликовали вместе со мной, стремительно проносясь сквозь стаи испуганных пучеглазых рыб и путаясь в переплетениях морских водорослей, а затем выпрыгивая из моря с касатками, взметая тучу ослепительно сверкающих на солнце водяных брызг...

Эрис выныривает из глубин океана

Впрочем, не одна я кусаю локти, осознавая тщетность попыток при помощи подручного материала выразить невыразимое. Полубезумный философ Фридрих Ницше думал о том же, когда говорил: «Наиболее вразумительным в языке является не слово, а тон, сила, модуляция, темп, с которыми проговаривается ряд слов, – короче, музыка за словами, страсть за этой музыкой, личность за этой страстью: стало быть, все то, что не может быть написано».

А еще был дерзкий французский юноша Артюр Рембо, мечтавший с помощью поэзии обрести магическую силу и постичь тайну мироздания. Но, достигнув самых верхних пределов, которых только может достичь поэзия, он осознал тщету своих усилий и без сожалений навсегда отрекся и от своей наивной мечты, и от обрушившейся на него славы. Едва вспомнив об этом мальчике, я с упоением начала декламировать удивленным чайкам его волшебные строки:

Проносья по стремнинам в холодные дали,
Я почуял, что судно досталось рабам.
Капитан и матросы мишенями стали,
Пригвожденные голыми к пестрым столбам.

Я плевал на команды, везущие в полночь

Хлопок аглицкий или фламандскую рожь.
Только смолкли на палубе вопли «На помощь»,
Мне открылся простор, где концов не найдешь.

Глух и слеп ко всему, словно мозг у ребенка,
От прилива к отливу по шумным волнам
Я понесся! Такая безумная гонка
Не приснится отчаленным полуостровам.

Это сила проснулась, трубящая в трубы!
Так плясал, легче пробки, я десять ночей
На воде, по преданью, качающей трупы;
И забыл о дурацких глазах фонарей.

И как спелое яблоко кушают дети,
Трюм зеленую воду со свистом всосал;
Смыло винные пятна и рвоту столетий,
Руль и якорь неведомый гнев разбросал.

Вот тогда мне открылась морская поэма:
Прозябанье светящихся млечно глубин,
Звезд настойка, лазурь – недоступная тема,
О которой утопленник знает – один!

Где внезапно в бреду ослепленного чувства,
В мерных ритмах, в глубоком морском забытии,

Крепче водки и шире, чем наше искусство,
Бродит горькая, рыжая кипень любви.

Я прошел и прибой, и потоки, я знаю,
Как вечерние молнии рвут небеса,
Как взлетает заря голубиною стаей,
И не раз видел больше, чем могут – глаза.

В пятнах ужаса низкое солнце смеркалось,
Озаря лиловые сгустки дождей.
Как герои античных трагедий, металось
Море, вдаль уносящее зыбь лопастей.

Там зеленая ночь и снега ослепленья,
Поцелуй изнутри прозреваемых волн,
Фосфорических брызг голубое кипенье
И неслыханных сил бесполезный разгон.

Я глядел месяцами, как волны морские
Осаждали скалу, словно стадо свиной,
И не думал, что светлые ноги Марии
Усмирят запаленное рыло морей.

Рвите волосы! Столько Флорид я заметил!
Я с глазами пантер перепутал цветы
В человеческих шкурах. Натягивал ветер

Узды радуг и топал на стадо воды.

Видел топи, огромное варево гнили,
В тростниках позабытую сеть, где гниет
Старый Левиафан! И на зеркале штилей
В безобразную пропасть падение вод.

Ледники, перламутровый свет, водопады,
Глубь фиордов, сосущий провал пустоты,
Где кишасщие вшами гигантские гады
Наземь валяются, с треском ломая кусты.

Показал бы я детям непуганых рыбок,
Золотых, говорящих на все голоса.
Пышной пеной мой путь расцветал на изгибах,
Небывалые ветры несли паруса.

Море, жертва луны, ты пассатом затерто.
Как меня услаждали рыданья твои!
Ты вставало с цветами медуз выше борта,
Я стоял на коленях, как дева любви.

Словно остров, качал я случайные ссоры
И помет бледноглазых рассерженных птиц.
Так я плыл: за разбитым бортом только море,
Где утопленник задом спускается вниз.

Так обросший ракушками царства седого,
Круто брошенный морем на гребень грозы,
Я – корабль! Но не сыщут каркаса спитого
Мониторы спасенья и лодки Ганзы.

Я – свободный, окутанный дымчатым светом,
Пробивал, словно стену, заоблачный край,
Где сладчайшее блюдо готово поэтам:
Сопли бледной лазури и солнца лишай.

В гальванических отсветах щепкой-рогулей
Я скитался с эскортом несметных коньков.
И в свистящую пропасть дубинки июлей
Купол синего неба сшибали с основ.

Вздвогнув чутко, вдали бегемотовы свадьбы
И тяжелый Мальштрем я на слух узнаю.
Вечный путник пустот, – как тоскую! Узнать бы
О Европе с гранитным крестом на краю.

Вижу звездные архипелаги, и снова
Для бродяги открыта бредовая ночь.
В эти ль ночи тоски ты уходишь без слова,
Тьма сияющих птиц, о грядущая Мощь!

Значит, правда, я плакал. Закаты рыдают,
Луны жаб изрыгают, и солнца горчат.
Волны страсти меня с головой накрывают.
Расколись, моя щепка! Пусть кану я в ад!

Что мне воды Европы! Пускай это будет
Просто лужа при свете вечерней звезды,
Где кораблик, как майскую бабочку, пустит
Грустный мальчик, присевший у самой воды.

Я устал, зацелованный брызгами влаги,
За судами по следу бежать столько дней.
Надоело мне видеть надменные флаги,
Не могу больше плыть вдоль понтонных огней.¹

¹ "Пьяный корабль", Артю́р Рембо(1854-1891); перевод Ю.П. Кузнецова (1941-2003)

Японские катакомбы

Спину резко заломило от холода, исходящего от бетонного пола. «Ну вот и все. Я проснулась», – с горечью подумала я. Так сказать, добро пожаловать в реальность, черт бы ее побрал!

В этот момент я почувствовала, что чья-то рука трясет меня за плечо:

– Аня, очнись!

Нехотя открыв глаза, я увидела Луху и громко вскрикнула от неожиданности. Я уже настолько свыклась с темнотой, что никак не думала, что в ближайшее время снова обрету способность видеть. Это открытие потрясло меня больше всего: крошечный непроглядный мрак куда-то пропал и проход, в котором я лежала, был тускло освещен. Тяжело опершись на присевшего передо мной на корточки Луху, я с трудом поднялась и тут же уловила какой-то далекий гул. Я прислушалась: сомнений быть не могло, где-то работал мотор.

– Дизельный генератор, – подсказал Луха. – Я специально завел, чтобы включить освещение и вентиляцию. Как ты себя чувствуешь? У японцев тут раньше был целый склад какой-то химии. Мы с пацанами выкинули всю отраву, которую только нашли, но, судя по твоему безумному поведению, что-то еще осталось.... Ты носилась как бешеная... Не мог за тобой угнаться. Я уже начал опасаться, не сошла ли

ты с ума, нанюхавшись этой дряни.

– Вот это да! – воскликнула я. – Значит, японские катакомбы действительно существуют, и мы с тобой их нашли! – Только тут я обратила внимание, что Луха уже был одет и обут в военную форму, а на левой руке у него висели штаны с кителем, которые он принес специально для меня. И еще рядом с ним стояла пара сапог.

– Где ты так поранилась? – спросил он удивленно. – У тебя же вся грудь в крови... Вот чистый платок. Вытрись.

Пока я вытирала кровь и одевалась, Луха объяснял мне, что произошло. Оказывается, эти подземелья ему и его друзьям давно известны. Но мы проникли в них по подводному туннелю, про который он раньше не знал. Туннель этот, скорее всего, служил для захода подводной лодки, а снаружи прикрывался какой-то маскировочной сеткой. Видимо, во время отлива она всплывала, а во время прилива ее снова прижимало к скале. Похоже на то, что за долгие годы сеть настолько обросла водорослями, ракушками и мелкими камушками, что, стоя возле скалы, ее уже невозможно было отличить от обычного морского дна. Но все это только его, Лухи, гипотеза, которую он со своими друзьями скоро проверит.

– Приедем сюда на мотоциклах сразу после того, как вернемся домой, – сказал Луха.

Я настолько была поражена всеми этими открытиями, что у меня пропал дар речи.

– Пойдем, – позвал меня Луха, – я проведу тебе экскурсию по местным достопримечательностям. Только обещай, что никому не расскажешь, иначе мне придется ликвидировать тебя как свидетеля. Я дал слово...

Мне стало жутковато от его слов. Было совершенно непонятно, шутит он или нет.

– Разумеется, я никому не скажу. Обещаю!

– Тогда пошли, – Луха взял меня за руку и повел по тускло освещенным коридорам подземелья.

Близость любимого человека, тепло его руки опьяняли. Я снова почувствовала, как волна нежности окутала меня с головой. Мои бедра непроизвольно завиляли не хуже, чем у какой-нибудь модели на подиуме, а грудь начала высоко вздыматься. Но Луха не обращал на это ни малейшего внимания и увлеченно показывал свои подземные владения. Признаюсь, я почти не слушала и мало что поняла из его рассказа, ведь мысли мои были совсем не о том.

Нам на пути то и дело попадались какие-то массивные двери, обитые железом, которые создавали у меня ощущение дежавю. Хотелось ущипнуть себя за ухо: вдруг я опять сплю... Некоторые двери Луха открывал и рассказывал, что находится внутри. Поскольку я ничего не понимаю в военном деле, то все его подробные разъяснения пропали совершенно впустую. Помню, что были горы какой-то амуниции, россыпи гранат, снарядов, шрапнели, ящики с патронами. В одном закутке меня поразила гора консервных банок. Это

были ворованные Лухой и его друзьями консервы с местных заводиков, служившие в качестве продовольственного запаса на случай боевых действий. Еще мне запомнились лазарет и взлетная полоса. Да-да! Настоящая подземная взлетная полоса с искусно замаскированным выходом. И на ней в полной боевой готовности находился самолет-снаряд, набитый тоннами взрывчатки. Луха объяснил мне, что на таких летали летчики-камикадзе.

– Самолет полностью исправен, – с явным удовольствием сказал Луха. – Мы его уже тренировались заводить и даже немного проехали по полосе.

– Луха, неужели кто-то из вас готов взлететь на нем? – моему удивлению не было границ. – Не понимаю, зачем вам все это нужно. Оружие, бомбы... Почему вы не расскажете военным, чтобы они их отсюда вывезли. Ведь в любой момент от случайной искры весь ваш арсенал взлетит на воздух. Вы же здесь все время как на пороховой бочке...

– Этого самолета будет достаточно, чтобы разнести в щепки целый вражеский крейсер, если он посмеет сюда сунуться, – с леденящим душу спокойствием объяснил Луха. – Любой из нас, если на него выпадет жребий, готов сесть за штурвал. Управлять им должно быть совсем несложно. Главное, при этом не наложить в штаны. Военным про склады ни в коем случае сообщать нельзя. Нормальных военных в стране давно уже нет – одно продажное офицерье да контрактники. За бабло душу продадут и Родину в придачу. – Гово-

ря это, Луха зло сплюнул. – Каждый из военных когда-то давал присягу, где клялся служить Советскому Союзу, стране, за которую сложили головы мой дед и еще миллионы таких, как он. А они... Они всех их предали. С предателями мне разговаривать не о чем.

– Я поняла тебя... Но кто же к вам сюда сунется? Кому нужен этот крошечный островок, где ничего нет, кроме двух нищих поселков?

– Сразу видно, что ты, Аня, ничего не понимаешь в политике, – сказал Луха. Давай лучше замнем эту тему и сходим в баню.

– Вот это да! Здесь есть настоящая баня? Чего же мы сразу туда не пошли! Луха, миленький, как же я тебя люблю! – я прямо-таки завизжала от радости и кинулась ему на шею; ведь я настолько к тому времени промерзла, что если бы апостол Павел предложил мне на выбор пройти в рай или в ад, то второй вариант меня бы устроил больше, потому что там, говорят, по-настоящему жарко. А палящий жар – это как раз то, о чем мое измученное холодом тело мечтало больше всего на свете.

– Пока мы тут с тобой ходили, баня как раз прогрелась, – объяснил Луха. – К тому же я думал, тебе интересно будет посмотреть на то, что здесь есть.

– Луха, очень интересно, но только не сейчас. Я хочу наконец согреться...

– Тогда побежали, – сказал Луха и помчался по коридору.

Я, конечно же, высунув язык, вчистила за ним. С его стороны это был мудрый ход, потому что быстрый бег меня отчасти согрел. Возле одной из дверей, как две капли воды похожей на все остальные двери подземелья, Луха остановился и сказал:

– А вот это и есть наша баня. Добро пожаловать, – и распахнул ее передо мной.

Я только диву давалась, как он умудряется так хорошо здесь ориентироваться, ведь кругом был настоящий лабиринт из темных коридоров, ничем не отличимых один от другого.

Когда я вошла внутрь, мои ноги тотчас утонули в свежем сене, которым был устлан весь пол помещения, служившего баней. От нагретого сена шел изумительный запах. Я тотчас же с наслаждением скинула с себя сапоги и босая пошла к ближайшей лавке. Воздух в предбаннике был уже хорошо прогрет, и меня тут же окончательно разморило. Я вдруг осознала, как же невероятно устала. Мои глаза безнадежно слипались. У меня хватило сил только раздеться, и я тут же, как была в сидячей позе, погрузилась в мертвецкий сон. Проснулась я уже в парилке, куда меня отнес Луха. Открыв глаза, я увидела его мускулистые руки с двумя вениками, которыми он мастерски орудовал. Никогда в жизни я еще так хорошо не парилась.

– А теперь в бассейн! – крикнул раскрасневшийся и весь мокрый от пота Луха. Как была нагишом, вся в налипших

на меня березовых листьях, я выскочила за ним в предбанник. Там оказалась еще одна дверь, которую я раньше не заметила. За ней находился склеп, в котором действительно был небольшой бассейн, глубиной не больше метра. Похоже, здесь бил какой-то родник, потому что вода была ледяная.

– Господи, как в сказке, – промурчала я. – Луха, ты волшебник. Как же мне с тобой хорошо...

Потом мы с ним в обнимку долго молча лежали в душистом сене.

– Никуда бы отсюда не уходила, так бы и лежала с тобой здесь всю свою жизнь...

– Оставайся со мной на острове, – предложил Луха.

– Не могу, милый...

– Почему? У тебя уже есть парень?

– Нет, я одинока. И мне не нужно никого на свете, кроме тебя...

– Тогда почему ты не останешься?

– Если я расскажу тебе, ты снова решишь, что я сумасшедшая, – взвешивая каждое свое слово, проговорила я. – Но я все-таки расскажу, если ты пообещаешь потом молчать.

– Иначе ты меня ликвидируешь? – засмеялся Луха.

– Это не смешно! – возмутилась я.

– Прости, я не хотел. Вырвалось, – извинился он.

И я рассказала ему все и про мою клиническую смерть на Араданском пике, и про свой смертный сон, в котором мне явилось Прекрасное Существо, и, самое главное, про ходя-

чих мертвецов.

– Знал бы ты, какие они страшные... В них нет ничего человеческого. Их глаза абсолютно пусты, и ауры едва светятся, в отличие от аур нормальных людей. Самое страшное, что у них почти не осталось души. Они живут исключительно ради своего плотского удовольствия и власти над обычными людьми.

– Мне кажется, среди наших местных такие тоже есть, – задумчиво сказал Луха, и я с радостью поняла, что он мне поверил.

– Ты действительно видишь ауры? – он смотрел на меня с нескрываемым интересом.

– Да. И еще я могу читать мысли, только я поклялась никогда не читать мысли своих друзей. Это очень сложно, – заблокировать в себе такую способность – но я постепенно научилась.

– Фантастика, – восхищенно покачал головой Луха. – Слушай, а как ты собираешься уничтожать этих выродков? Не будешь же ты по ним стрелять из автомата серебряными пулями...

– Нет, конечно, – рассмеялась я. – Я и автомат-то не знаю, как правильно в руках держать. Но я же физик, и у меня есть идея получше. Не знаю, слышал ли ты что-нибудь про резонансные частоты... В общем, мне нужна энергия, много энергии... Я хочу стать известным ученым и добиться того, чтобы в нашем Академгородке построили синхротрон.

Энергии, которая для него необходима, мне хватит, чтобы очистить от ходячих мертвецов половину планеты. Теперь ты понимаешь, почему я не могу остаться с тобой, милый...

– Понимаю, – грустно сказал Луха. – Примерно по этой же причине и я не могу поехать с тобой...

– Понимаю, – тихо сказала я.

Меня начали душить слезы.

– Луха, ну почему мир так ужасно устроен? Куда ни кинешься, всюду царит несправедливость. Я начинаю верить, что Вселенную создал какой-то злой бог. Как же еще можно объяснить, что абсолютно все вокруг могут выживать только за счет убийства и пожирания более слабых? Да и люди ничем не лучше... Если бы я только могла, то, наверное, вообще бы очистила всю нашу планету от людей... Видишь, какая я на самом деле злая и жестокая... Луха, ты очень красивый и добрый... Найдешь себе тут хорошую девушку... Она будет не то что я...

– Аня, – прервал мои стенания Луха, – нам пора идти, а то, чего доброго, наши ребята пойдут звать водолазов. Сама понимаешь, что для нас это станет катастрофой...

– Ты уже придумал, что мы им скажем?

– Да, наверное, надо рассказать все как есть и попросить их молчать. Твоим друзьям можно доверять?

– Вике с Ильей точно можно. Но Изя, мне кажется, рано или поздно кому-нибудь случайно проболтается... Он слишком много и быстро говорит, и не всегда успевает хорошень-

ко подумать, прежде чем что-то сказать.

– Хорошо, тогда скажем, что нас унесло подводным течением и в бессознательном состоянии выбросило в море. Мы чудом очухались и ничего не помним, – предложил Луха.

– Отличная версия, – согласилась я. – Но только я совсем не умею врать.

– Я тоже, – рассмеялся Луха. – Давай тогда все-таки не будем врать. Мне нравятся твои друзья. Я чувствую, что им можно довериться.

– Ты прав, милый. – У меня камень отвалил от сердца, потому что я и представить себе не могла, как смогу общаться с моей Викой, если солгу ей хоть однажды...

Разумеется, мы не стали возвращаться прежней дорогой. По доброй воле вновь делать подводный заплыв в ледяной воде – нет, я даже думать об этом спокойно не могла. Лучше уж сразу умереть! Поэтому Луха, скрепя сердце и еще раз для успокоения совести взяв обещание молчать, вывел меня через взлетку. Мы вышли где-то совсем неподалеку от лагеря, где нас уже ждали наши друзья. Точного места я не знаю, потому что по просьбе Лухи почти все время шла с закрытыми глазами.

– Меньше знаешь – крепче спишь, – сказал он мне, и я, конечно же, с ним полностью согласилась.

Было около девяти утра, когда мы подошли к палаткам. Ребята уже успели позавтракать и пили чай. При этом все сидели с такими хмурыми лицами, как будто бы успели нас

похоронить.

– А вот и мы! – бодро сказала я. – Чайком не угостите...

Все тут же вскочили на ноги и хором закричали:

– Ура, вернулись!

– Анюта, я тебя убить сейчас готова! – сквозь слезы кричала над моим ухом Вика, стискивая меня в объятиях. Нелзя же так пугать...

– Ребята, что это на вас? Никак военная форма... – удивился Изя, ощупывая китель, который был на Лухе.

– Да, японская, – подтвердил он.

Разумеется, все сразу же потребовали от нас подробного отчета о том, где мы были.

– Мы вам все расскажем, – пообещал Луха, – но только сначала переоденемся. Затем он обратился ко мне:

– Аня, вынеси потом, пожалуйста, все свое обмундирование к костру.

Скоро я уже в своей обычной походной одежде сидела возле костра и вместе с остальными ребятами наблюдала, как Луха по-деловому тщательно сжигает наше недавнее облачение, чтобы замести все следы. А потом мы рассказали про катакомбы. Впрочем, рассказывал главным образом Луха. Я же сидела рядом, облокотившись на него и положив голову ему на плечо, глядя на яркие всполохи костра, жадно пожирающего свидетельства того, что совсем недавно мы с Лухой побывали в самом таинственном и секретном месте на этом острове.

Сказать о том, что наш рассказ произвел на друзей большое впечатление – значит не сказать ничего. До того момента, пока мы не тронулись в дальнейший путь, Изя, Илья и Вика наперебой без остановки уговаривали Луху сводить их в катакомбы, мол, все равно они про них уже узнали. Вика включила на полную мощность все свое природное обаяние, перед которым, однозначно, не устоял бы ни один самый упертый партизан на свете, но суровый Луха был непреклонен:

– Это не моя тайна, – лишь повторял он. – Я дал клятву, что не проведу в катакомбы никого из посторонних. В конце концов, я же вам не член КПСС и не депутат, чтобы давать лживые обещания.

Упреки обиженной Вики в том, что, мол, мне-то он провел экскурсию, Луха парировал предложением по моему примеру нырнуть с ним в подводный туннель. Мол, если она останется в живых, то он и ей проведет. К моему большому облегчению, Вика не согласилась. Я была абсолютно уверена, что единственной причиной этому послужило то, что все-таки плавать она совершенно не умела. В противном случае мне пришлось бы поплыть с ними, чтобы не умереть от ревности.

Изя с Ильей теперь восхищались Лухой ничуть не меньше меня и, кажется, весь этот день глаз с него не сводили.

– Хотя наш раввин такого не говорил, – сказал Изя, пожимая Лухину руку, – но я лично думаю, что если человек

ведет праведную жизнь, то Богу должно быть безразлично, обрезана у него крайняя плоть или нет.

– Изя, – удивился Луха, – с чего ты решил, что я веду праведную жизнь? Ты же меня совершенно не знаешь.

– Если я хоть что-то понял из Торы, – с серьезным лицом ответил Изя, – то праведником может считаться только тот, кто каждый день готов жертвовать своей жизнью за правду; все остальное не считается...

Луха

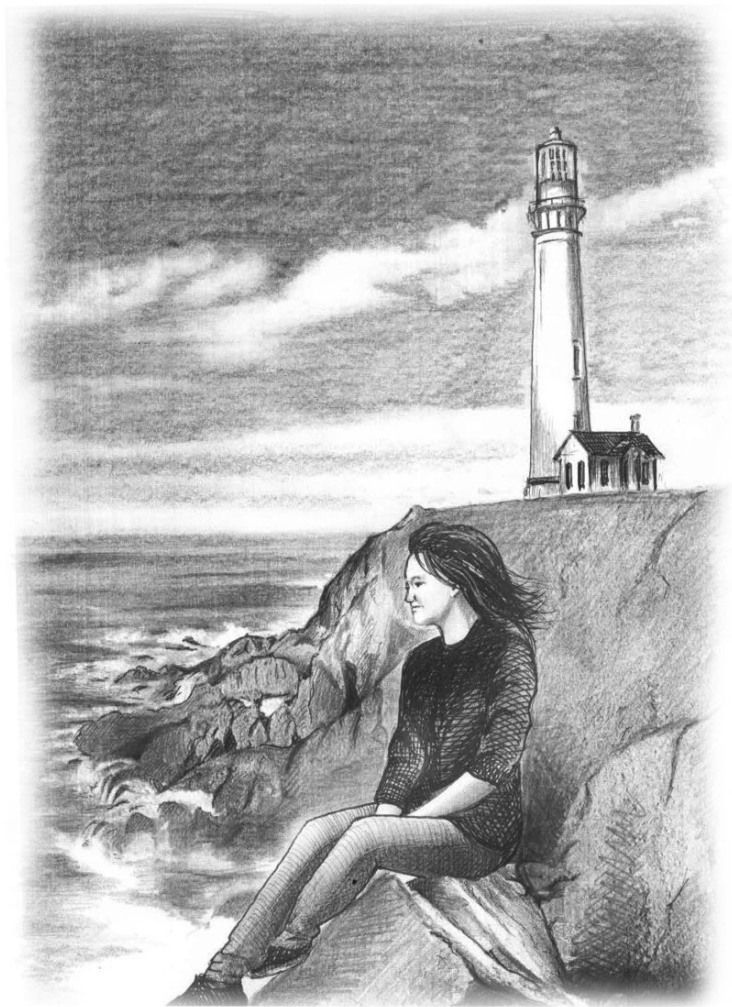
На краю Земли

В следующие два дня не произошло ничего такого, о чем стоило бы долго писать. Я наслаждалась первозданной красотой дикой природы, близостью любимого человека и пребыванием в нашей дружеской компании. Погода стояла изумительная: именно то, что нужно для пеших походов – когда совсем не жарко и в то же время ничуть не холодно. Просто идиллия какая-то. Единственное, что меня немного огорчало, – это ледяная вода в океане. Ежедневные вечерние омоложения были для меня сущей пыткой. Потихоньку я уже начинала мечтать о горячем душе на рыбном заводе в Малокуринске.

Наконец мы подошли к конечной цели нашего маленького путешествия вокруг острова – мысу Край Света. На душе моей было и грустно и радостно одновременно. Меня снова непреодолимо потянуло к уединению. Илья, Изя и Вика загорелись идеей залезть на японский маяк, до которого от мыса было не меньше получаса ходьбы, а затем пройти через «Ворота счастья», чтобы загадать желание. Я попросила Луху отправиться с ребятами, объяснив, что какое-то время хочу побыть одна.

Когда все ушли, я подошла к обрыву сорокаметровой скалы и села на самый край, свесив вниз ноги. Я знала, что впереди меня почти на три тысячи морских миль нет ни единого

клочка суши – только безбрежные и бездонные воды Тихого океана. Мне вдруг смутно вспомнился старый советский мультфильм, где два персонажа – кажется, мальчик и собака – отправились в путь, решив дойти до самого края Земли. Глубокой ночью они нашли его. На этом краю стояла обычная деревянная скамейка. Путешественники уселись на нее, и под их свисающими вниз ногами не было ничего, кроме непроглядного мрака ночи... Почему-то мультик крепко запал мне в сердце. В глубине души я мечтала когда-нибудь сделать точно так же, и сейчас мне казалось, что эта мечта осуществилась. И еще сбылось второе мое заветное желание – оказаться на необитаемом острове, где есть старый маяк...

Кругом меня не было ни души, только дикая природа, сопки, море и скалы. Если хоть немного включить воображение, то, сидя здесь, очень легко представить, что ты очутился совершенно один на необитаемом острове. Недаром именно в этом месте происходили съемки знаменитого советского фильма «Робинзон Крузо» с Куравлевым в главной роли. Развернувшаяся перед моими глазами величественная панорама захватывала дух. Точно загипнотизированная, широко раскрытыми глазами я смотрела на морские волны, подсвечиваемые изнутри солнцем, шумно и мощно обрушивавшиеся подо мной на суровые скалы. Был час прилива. В ослепительных солнечных лучах оттенок прибрежных волн плавно менялся от темно-синего до изумрудно-зеленого; иногда казалось, что внутри каждого гребня находится маленький, таинственно мерцающий, золотистый огонек. Мне вдруг вспомнился зеленый стеклянный шарик из моего детства. Когда я держала его на ладони при свете солнца или яркой настольной лампы, в нем появлялась точно такая же капелька света.

В мои школьные годы эти шарики были очень популярны. Никто точно не знал, откуда они берутся, что порождало самые фантастические домыслы. Я, как и многие, ужасно мечтала завладеть стеклянным чудом, и однажды мне повезло. Как-то раз соседский Вадик, гуляя в нашем дворе, похвастался передо мной точно таким зеленым шариком. Недолго

думая, я тут же выгодно выменяла его на свой новенький самокат «Левушка», который мне подарил дядя Миша, и сразу почувствовала себя самым счастливым человеком на свете. Думаю, в этот исторический момент я ничем не отличалась от каких-нибудь хитрых сибирских аборигенов, заполучивших от наивных русских купцов настоящее сокровище – целую горсть стеклянных украшений – взамен на никому не нужные пушнину и золотые самородки.

Некоторое время в голове моей непроизвольно все еще возникали подобные мысли и воспоминания, которыми я никак не управляла. Я дала им волю и постепенно перестала обращать на них внимание. Брошенные без присмотра, они вскоре разлетелись в разные стороны, как птицы, оставив меня наконец-то наедине с всегда безмолвным внутренним я. Мой взгляд устремился в бесконечную даль горизонта. Голова немного кружилось от переизбытка кислорода и громадной высоты под ногами. Мне вдруг представилось, что где-то там, вдали, прямо напротив меня, на самом краю Америки сидит, свесив вниз ноги, точно такая же мечтательная молодая девушка. И она тоже смотрит в мою сторону, пытаясь проникнуть задумчивым взглядом за ту далекую линию, где море и небо замыкают пространство на замок, словно скрывая что-то от наших с ней любопытных глаз. Я громко засмеялась. Я больше не чувствовала себя одинокой и беспомощной в этом огромном и чужом для меня мире. Словно отражая мое настроение, поверхность океана тут же засвети-

лась бесчисленными веселыми искрами, похожими на праздничные бенгальские огни. Теплый и сильный ветер дружески затрепал мои волосы. Морские волны запели мне великую Симфонию Любви. Казалось, еще вот-вот и я услышу звонкий голос таинственной Фрези Грант из повести Александра Грина «Бегущая по волнам: «Добрый вечер, друзья! Не скучно ли вам на темной дороге? Я тороплюсь, я бегу...»».

Как же я мечтала когда-то превратиться в точно такую же вечно юную и прекрасную волшебницу, чтобы, не зная усталости, легко бежать по поверхности моря и указывать спасительную дорогу потерпевшим кораблекрушение матросам...

Я откинулась на спину и закрыла глаза. Меня охватила полуденная дрема, и я начала сладко засыпать под медленно всплывающие в памяти строки стихов моего старинного приятеля Вовки Шарапова, такого же неисправимого мечтателя и романтика, как я сама:

Таинственный остров

Там, где за седыми бурунами
Горизонт теряется туманный,
Иногда пред смелыми очами
Остров появляется нежданный.

Нет его на старой доброй карте,
И над ним всегда другие звезды!

Не найдут его в пустом азарте
Арендатор и плантатор грозный.

Белый пастырь там лишь век от века
Дикарям Закон твердит суровый,
Да командой брошенный калека
Все о чем-то спорит с Иеговой.

И когда о каменные рифы
Разобьется шхуна китобоя,
То, на страшный пир слетаясь, грифы
Ждут с добычей мощного прибоя.

Там на желтых склонах Эльдорадо
Тьма сокровищ – вам не снилось столько!
Там сирены кружат, как торнадо,
Улыбаясь яростно и тонко.

Алтарей там мраморные плиты
Свежей жертвой по утрам дымятся,
И у храма юной Афродиты
Амазонки дико веселятся.

Помнят псы там кровь аристократов,
И маяк над бухтою Гекаты
Не пропустит шлюпки ренегатов,

Но, подняв свой флаг, войдут пираты.

И, отважный парус напрягая,

Бриг Мечтателя туда спешит скорее.

Кто ж в волнах бежит пред ним, белея?

Это Фрези вечно молодая!